Формула одиночества

Автор:
Ирина Мельникова

Формула одиночества

Ирина Александровна Мельникова

Впервые за много лет археолог Марина вырвалась в отпуск и приехала в Гагры. На перроне ее встретил не хозяин дома, где она сняла комнату, а его друг Арсен. Между этими одинокими людьми сразу пробежала искра, но Марина после всех разочарований никак не могла заставить себя поверить мужчине... Чтобы избежать ухаживаний Арсена, женщина решила отправиться на экскурсию в горы, но он последовал за ней! Безобидная прогулка внезапно обернулась кошмаром: их группу взяли в плен боевики, только Арсену удалось скрыться. Теперь жизнь Марины и остальных туристов зависит только от него...

Все события в книге большей частью вымышленные, но вполне могли произойти на самом деле, так как оснований для этого предостаточно. К тому же часть героев вполне реальные люди.

Им я и посвящаю этот роман.

Автор

Глава 1

Ночью Марине снилось море. Бескрайнее, гладкое, как зеркало. Бледно-голубое – у берега и лазурное с изумрудным оттенком – у горизонта. Она шла по песку.

Высоко в небе сияло солнце. Очень похожие на морскую пену облака не спасали от палящих лучей. Было очень жарко, а она потеряла где-то шляпку. «Нужно включить кондиционер», – промелькнуло в голове, и она проснулась.

Переход от сна к яви ошеломил ее. Снова душное купе с опущенной шторой на окне и плотно закрытой дверью. «Господи! Чтобы я когда-нибудь еще поехала поездом… – подумала она и отбросила простыню. – Да еще с незнакомыми людьми в купе! Ни за что!»

Тут она поняла, что в купе горит свет, а полка рядом с ней пуста. И очень тому обрадовалась. Она никогда не желала зла ближнему, особенно старикам и инвалидам, но подсевшая в их купе бабушка из Харькова…

Нет, нет, она была милой и опрятной старушкой. Но ее бесконечные с редкими перерывами на поход в туалет сетования о дороговизне купейного билета, рассуждения о нищенской пенсии и рассказы о соседях, внуках и детях, а под вечер о квартиранте Николае и его проблемах с женщинами кого угодно довели бы до белого каления.

Врожденная деликатность, которая все чаще и чаще доставляла ей массу неприятностей, не позволяла Марине прервать старушку, да та, наверное, вряд ли услышала бы ее. Причем бабка была очень доверчива и по-стариковски наивна. Ехала погостить к сестре и везла с собой пшено, сахар, сухари и пакетик карамели. Оказывается, если перевести гривны в рубли или, наоборот, рубли в гривны, по нынешнему курсу украинское пшено выходит дешевле, чем российское… И сухари, и карамель… В сумме на три или четыре рубля. Бабуля, сэкономив гроши, выглядела безмерно счастливой, и поэтому Марина страдала от ее бесконечной болтовни молча, чтобы не обидеть говорливую соседку.

Первой не выдержала Сабрина. Отложив растрепанную, с пестрой обложкой книжку, она подхватила сумочку, подмигнула Марине – мол, терпи, подруга! – и, махнув на прощанье ручкой, точно бабочка, выпорхнула из купе. Вскоре ее веселый щебет перекрыл мужественный бас. Сабрина добилась того, чего хотела. В соседнем купе ехали вахтовики из Нижневартовска. Трех юнцов-подчиненных Сабрина игнорировала, а вот их бригадира, крепкого коренастого мужика лет сорока с гаком, который добрую часть суток проспал на верхней полке, все-таки заставила выползти наружу. Остальное было делом техники. Сначала у Сабрины сломалась зажигалка. Встряхнув гривой белокурых волос, она страдальчески поморщилась, затем ее огромные голубые глаза наполнились

слезами, а полные губы прошептали:

– Боже, я пропала!

Но разве настоящий мужчина позволит пропасть женщине из-за сломанной зажигалки? Бригадир тотчас протянул ей свою. Сабрина мило улыбнулась в ответ, и через минуту оба удалились в тамбур покурить. А еще через четверть часа Сабрина вернулась в купе, быстро подправила макияж и торопливо сообщила, что Сережа, так звали бригадира, пригласил ее в ресторан. К вечеру Сабрина вернулась. От нее попахивало вином и табаком. Она была оживленна и весела. Бабушка в это время развернула на столике тряпочку с помидорами и огурцами и настойчиво приглашала Марину отведать домашние пирожки с капустой. С большим трудом Марине удалось отбить ее попытки.

В купе было душно. Бабушка боялась простудиться, и пришлось открыть дверь, чтобы не задохнуться. За весь день Марина выпила лишь пару стаканов минеральной воды да съела одно яблоко. Прихваченную из дома провизию она выбросила на следующий день, а купить что-то свежее на остановке не получилось. Она забыла, что теперь проезд по территории Украины чреват некоторыми неудобствами: четырьмя нудными проверками на границах – при въезде и выезде из страны.

Правда, можно было сходить в ресторан, но она представила, каково это – тащиться через несколько вагонов, затем возвращаться обратно, тем более есть особо не хотелось, разве что выпить чашечку кофе, без которого не начинался ни один ее день… Но даже это не стоило ее трудов. Назавтра поезд прибывал в Адлер. Закончится наконец ее утомительное путешествие, а кофе она выпьет в каком-нибудь кафе на вокзале.

Но даже эта мысль не прибавила Марине энтузиазма. Ее разморило от жары и болтовни соседки. Запахи домашней стряпни не притягивали, а раздражали. Однако она терпела, понимая, что ей в очередной раз сели на голову, но лень уже захватила ее, и Марина этому состоянию не сопротивлялась. Слишком редко случалось такое, когда она могла позволить себе расслабиться и не думать о работе…

Больше ее беспокоило, как она устроится в Гаграх. Честно сказать, сначала она хотела поехать в Крым, посетить наконец Севастополь, о котором ей взахлеб

рассказывал Семен. Он отслужил три года на линкоре «Стерегущий» и свое матросское прошлое вспоминал с неизменным восторгом. Но в тот единственный проведенный вместе отпуск они так и не смогли побывать в этом городе.

После смерти Семена прошло уже тринадцать лет. Марина слишком много работала, чтобы добиться всего, о чем они мечтали вместе. И впервые за долгое время решилась отправиться в отпуск одна, благо что дочь отдыхала в это время в молодежном лагере «Океан», на другом конце страны. Короткая передышка между совещаниями, конгрессами, археологическими раскопками и лекциями в университете – десять дней, не больше – все, что она могла себе позволить.

Но Крым нынешним летом переживал не лучшие времена. Украинские власти любезно пригласили американских военных провести учения близ Феодосии, на что местные жители отреагировали отнюдь не любезно. Недели две подряд все новостные программы показывали толпы людей, блокировавших дороги и санатории, где устроились на отдых бравые янки, и бойцов украинского ОМОНа со щитами и дубинками наперевес…

Звучавшие с телеэкрана гневные выкрики и обвинения в экстремизме, заявления о продажности и предательстве с той и другой стороны, снятые крупным планом кулаки и дубинки поубавили энтузиазма у российских отдыхающих. Поезда на Симферополь и Феодосию опустели. И поэтому, когда подоспел отпуск, Марина решила не рисковать и поехать куда-нибудь ближе к морю, но подальше от политических конфликтов.

Ее подруга Лариса два года подряд отдыхала в Гаграх и всю зиму допекала Марину рассказами и просмотрами фотографий, где море выглядело изумительно голубым, зелень – исключительно пышной и яркой, загорелые ноги – особенно стройными и длинными. А еще Лариса включала хит сезона «Черные глаза», и ее собственные глаза подергивала поволока. Вперив взгляд в потолок, она принималась тихо напевать:

Белый снег сияет светом,

Черные глаза!

Осень повернется летом,

Черные глаза!

Околдован я тобою,

Черные глаза,

Черные глаза,

Черные глаза…

Улучив минуту, Марина благополучно смывалась, оставляя подругу наедине со сладкими воспоминаниями и несбыточной мечтой. В этом году сын Ларисы Эдик поступал в краевой университет, и подруга все свои усилия и немалые деньги потратила на репетиторов из числа будущих преподавателей.

«Море накрылось медным тазиком», – вздыхала она в перерывах между просмотрами фотографий. Но в конце мая Лариса задалась вдруг целью отправить Марину на отдых, и непременно в Гагры. Поначалу та упиралась, но, когда подоспел отпуск, ей вдруг безудержно захотелось увидеть наяву и это море, и эти пальмы, и кипарисы… А ноги у нее даже в тридцать шесть лет выглядели не менее стройными, чем у дочери, и со всем остальным тоже все было в порядке. И чем, спрашивается, она хуже Ларисы? Почему бы не позволить себе хоть раз в жизни устроить дефиле по бесконечному пляжу в Гаграх, коллекционируя восторженные взгляды мужчин?

В отличие от нее Ларисе годом ранее пришлось три месяца посещать косметический салон и тренажерный зал, чтобы похудеть к отпуску. На борьбу с целлюлитом ушло едва ли не больше средств, чем в будущем на репетиторов, но результат был ошеломляющим. Из Абхазии Лариса вернулась счастливой и вдохновленной. Там она встретила мужчину своей мечты, который оказался в конце концов примитивным альфонсом. Но Лариса его простила.

– Я ведь не мужа себе приехала искать, а просто расслабиться, – объясняла она Марине. – А он меня любил. Правда, за мои деньги, но какая разница?

Что ж, Лариса могла себе позволить и месяц в Гаграх, и альфонса, и дорогущих репетиторов для Эдика. Ее зарплата бухгалтера была несопоставима с директорским жалованьем Марины. Дело в том, что Лариса трудилась в коммерческом банке, а Марина – в музее. И если средств Ларисы хватало, чтобы съездить среди зимы в Таиланд, а летом махнуть в Турцию или по необъяснимому капризу – в Гагры, то Марине пришлось сначала изрядно урезать себя в расходах, чтобы отправить дочь в молодежный лагерь «Океан», а затем поднапрячься и все-таки собрать нужную сумму на поездку к такому желанному, но очень далекому морю. До Москвы она добиралась самолетом, преодолев почти пять тысяч километров. Прямой перелет до Сочи и обратно съел бы все ее сбережения без остатка, поэтому путь от Москвы до Адлера Марина решила осилить на поезде, надеясь, что дешевый отдых в Абхазии – не досужие россказни…

Но теперь ее мытарства подходили к концу. И, вероятно, оттого что море во сне не штормило и почти не волновалось, Марина проснулась в хорошем настроении. К тому же радости ей прибавило отсутствие бабуси, которая под утро сошла в Краснодаре. Появилась уверенность, что до Адлера никого в их купе не подселят. Сабрина спала на верхней полке и улыбалась во сне. Разумеется, вечер в ресторане оказался для нее более приятным, чем пустая болтовня с назойливой старухой.

Марина взяла полотенце, вышла из купе и зажмурилась от потока солнечного света. Она прошла вдоль вагона. Мимо окон проносились поросшие лесом горы, и даже через стекла ощущались пряные запахи зелени и ароматы незнакомых цветов.

– Подъезжаем к Туапсе! – прокричала от титана с кипятком проводница. – Через полчаса закрываем туалеты. Санитарная зона…

Умывшись, Марина вернулась в купе. Сабрина уже спустилась вниз и, подняв штору на окне, придирчиво рассматривала свое лицо в зеркале.

Марина молча уселась напротив.

– Фу-у! – Сабрина наконец оторвалась от зеркала. – Вчера столько шампанского вылакала, до сих пор мутит. Парень-то при денежках. Жалко, что семейный, но обещал найти меня в Сочи. Правда, видок у него… – Сабрина поморщилась. – И врет наверняка. Только в своем колхозе появится, жена его за шкварник и на цепь, пока деньжата не выдоит. Да и рожа у него кирпича просит. Мне бы кого посолиднее… – Она мечтательно вздохнула. – Я в прошлом году в Ялте такого мэна окрутила. Неделю сношались, как кошки угорелые, а потом его вешалка с детьми нарисовалась, он и слинял. На набережной встретимся, он раз – и в сторону, а сам косится, косится… – Выставив грудь, Сабрина закинула руки на затылок и потянулась. – Ничего, выносливый был мужчина. Главное, при бабках и без затей. Шибко не ревновал, на подарки не жадный… Знаешь, со мной он за неделю килограммов семь сбросил. Так что секс – лучшая диета для мужиков!

Марина упорно молчала. Кажется, она была не права. Даже разговорчивая бабуся в попутчицах, несомненно, большее удовольствие, чем сексуально озабоченная красотка. Слава богу, осталось совсем немного до конечной станции, где их пути разбегутся в разные стороны. И Марина никогда не узнает, с кем провела лето Сабрина – продавщица цветочного магазина в Москве, которая страстно желала найти своего Генри Хиггинса[Генри Хиггинс – профессор-лингвист, герой пьесы Б. Шоу «Пигмалион», который выиграл пари, «вылепив» из простой цветочницы Элизы Дулитл светскую даму.], но в отличие от того, английского, при больших деньгах и связях.

Марина не числила себя пуританкой. Около пяти лет она встречалась с одним интересным и, несомненно, талантливым, но абсолютно беспомощным в окружавшей его жизни человеком. Постепенно все его проблемы плавно переместились на ее плечи. Временами Марина вытаскивала его из запоев, устраивала выставки его картин, выкраивала деньги, чтобы напечатать каталог к выставке его работ в Москве. А Федор, так звали художника, все ныл, ныл, что его не понимают, не ценят, обижают и вообще рубят под корень его выдающийся талант…

В итоге полтора года назад он неожиданно женился на пожилой сухопарой голландке, которая два сезона подряд проработала на раскопках Толбока – древнего кургана, с которым было связано много легенд и преданий. Они-то и стали причиной его с Мариной разрыва. Голландка увлекалась местными легендами, Федор удачно воплощал их в своих полотнах. Голландка восхищалась его талантом, Федор млел от счастья. Вполне закономерно, что пятидесятилетняя старая дева безумно в него влюбилась и прямолинейно

заявила, что хотела бы изведать с ним радости брака. Марина узнала об этом только через два месяца, когда вернулась из длительной командировки в Бурятию, где она читала лекции в местном университете.

Ее удивило, что на этот раз Федор не встретил ее в аэропорту, хотя точно знал о времени ее прилета. Дома она обнаружила, что незадолго до ее возвращения он забрал свои вещи. Их было немного: полотенце, зубная щетка, бритва, спортивный костюм и кое-что по мелочи. Одним словом, тот самый джентльменский набор одинокого мужчины, который иногда остается ночевать у дамы своего сердца.

Марина позвонила ему и получила в ответ, наверное, то, что заслуживала.

– Ты никогда меня не понимала! – истерично кричал в трубку Федор. – Ты ставила мне палки в колеса! Мне нужен этот брак, и точка! Если меня не пускают в дверь, я должен залезть в окно!

– Это окно в Европу? – Марине удалось задать лишь один вопрос в тот момент, когда он прервался на секунду, чтобы набрать в легкие воздуха.

– Ты всегда язвишь, подкалываешь меня, – взвился Федор. – Все эти годы ты видела, что мне плохо, меня не ценят, гнобят по всякому поводу. Ты была озабочена только своей карьерой, а на мои неудачи тебе было наплевать. Мне давно об этом говорили, но, только встретив Патрицию, я понял, насколько эти люди правы. Ты была абсолютно ко мне равнодушна…

Федор продолжал что-то кричать в трубку, но Марина молча вернула ее на рычаг. Она была в шоке от услышанного. Чего-чего, а такой чудовищной лжи и жестоких обвинений она никак не ожидала. Позже она поняла, что агрессивный выпад Федора объяснялся элементарной трусостью. Он понимал, что совершил предательство, но, как все жалкие и слабые люди, постарался компенсировать свои душевные муки, причинив боль близкому человеку…

Некоторое время она сидела, уставившись в стену перед собой. В ее голове не укладывалось, как Федор мог так чудовищно обойтись с ней. Но более всего ее убило известие, что, оказывается, в его окружении нашлись «эти люди», которые сумели убедить Федора, что свои заботы она ставила превыше его забот.

«Низкая, беспардонная ложь!» – безотвязно стучало в ее голове. К счастью, эту мысль вскоре задавили другие: о предстоящей летней археологической экспедиции в Долину тридцати курганов. В центре ее и располагался Толбок – последнее пристанище древнего правителя, о могуществе которого говорила не только высота и размеры кургана, но и обилие предметов обихода, оружия, золотых украшений и утвари, которые, по обычаю, сопровождали умершего в иной мир.

Марина начала раскопки Толбока еще при жизни Семена. Именно этот курган отобрал у нее мужа, а дама, работавшая на его раскопках, увезла в голландские дали ее второго мужчину, хотя в то же время позволил ей защитить сначала кандидатскую, а следом и докторскую диссертации. Но женское счастье от нее определенно отвернулось. И хотя Марина всегда знала, что вялотекущий роман с Федором обречен на вымирание, тем не менее долго переживала его предательство. И даже пару раз, таясь от дочери, всплакнула.

Но время лечит. И сейчас она с недоумением думала, как могла страдать о никчемном слюнтяе и иждивенце. По сути, он был тем же альфонсом, что и южный приятель Ларисы. И своей голландской сопернице Марина могла только посочувствовать. Федор был ко всему прочему большим неряхой. Грязные носки и рубахи валялись по всей квартире, однокомнатной и неухоженной, которая досталась ему в наследство от матери. К счастью, квартиру он не продал. Надо сказать, это был единственный вполне благоразумный поступок, который ему удалось совершить в своей жизни. Видно, не слишком он надеялся на счастливый союз в чужой для него Голландии, оттого и послушался Марининого совета. А может, втайне надеялся, что она примет его в случае неудачи обратно.

Но исполнять роль запасного аэродрома было не в ее правилах. Поэтому первой, скрытой для посторонних, причиной ее решения поехать к морю явился недавний телефонный звонок Федора. Бывший любовник робко интересовался погодой и ее планами на лето, из чего Марина сделала вывод, что предчувствия ее не обманули. В ответ она обстоятельно изложила прогноз синоптиков на предстоящий месяц, но о планах поведала туманно: дескать, время покажет… И весьма конкретно намекнула, что воплощать их в жизнь предпочитает в одиночку.

Больше Федор не звонил, но и она решила не провоцировать судьбу. Ведь он в любой день мог вернуться в свою квартиру, и хватит ли у нее выдержки

противостоять его нытью и самобичеванию? Марина сильно в этом сомневалась. И не потому, что слишком любила Федора. Просто его слезы, которые он талантливо выжимал из себя всякий раз, когда она сопротивлялась, превращали ее в слабое, уязвимое существо. Она не выносила, когда люди плачут. Чувствовала себя законченной злодейкой, почти садисткой и старалась остановить этот поток, даже если понимала, что он фальшивый.

– Слушай, с чего тебя понесло в Гагры? – Сабрина покончила с макияжем и, зевнув, уставилась на Марину. – Делать тебе нечего! После войны там все захирело, развалины кругом, разруха… Все мужики с автоматами, а бабы с тачками. И повеселиться негде. Из еды одна мамалыга да вино. А в Сочи мы с тобой такой фейерверк устроим!

– Не нужно мне фейерверка, – улыбнулась Марина. – Я просто хочу отдохнуть. Никаких кафе, никаких ресторанов… Чтобы петухи на заре, море в десятке шагов, тенистый сад и ночное небо с огромными звездами над головой. И как можно меньше людей рядом, тем более отдыхающих.

Сабрина презрительно скривилась:

– Все это лирика, дорогая! По мне, это полная тошниловка! Как можно без мужика отдыхать? Он же для тонуса!

– Да какой тонус? – засмеялась Марина. – Кормить его, поить, выгуливать, майки стирать, трусы… Нет, я лучше одна. Ни клятая, ни мятая. Сама себе хозяйка. Хочу – иду на море, хочу – не иду. С кем? Когда? Это мое личное дело. Что касается разрухи и мужиков с автоматами, то это в прошлом. Моя подруга недавно отдыхала в Гаграх и очень жалеет, что не смогла поехать вместе со мной.

– Ты хоть знаешь, где эти Гагры? – Сабрина смерила Марину насмешливым взглядом. – Километров тридцать от вокзала. Довезут тебя только до Казачьего рынка, а от него километра два пешком до пограничного поста. Часа два выстоишь, прежде чем пройдешь таможенный досмотр, после столько же, чтобы зарегистрироваться. А потом опять пешочком через мост и снова очередь – теперь уже на абхазской границе… Сдохнешь, пока доберешься!

– Не знаю, – сухо ответила Марина, – подруга сказала, что прошла границу без хлопот. К тому же меня встретит на машине хозяин дома, где я буду жить.

– Прямо в Адлере встретит или на границе? – оживилась Сабрина. – Может, мы прошвырнемся до Сочи, найдем мне комнату?

– Я не знакома ни с хозяином, ни с хозяйкой, поэтому ничего не могу обещать. Договоришься с ним – пожалуйста. Не договоришься – прости, я здесь ничего не решаю.

– Ладно, только не теряйся, когда мы из поезда выйдем. У тебя, смотрю, одна сумка, а у меня вон какой чемоданище. Настоящий бегемот! Буду в нем жить, если не сниму квартиру. Представляешь, личное бунгало прямо на пляже… – Сабрина мечтательно закатила глаза. – А рядом мачо… Нет, абрек! Смуглый, жилистый, в черкеске с газырями, в папахе, с кинжалом! Усатый! – Она закрыла лицо руками. – Боже, как я люблю усатых мужчин с бритой головой!

Марина представила это сочетание и фыркнула:

– Так то ж не мачо, а Григорий Котовский, – и на всякий случай уточнила: – Герой Гражданской войны.

Но Сабрина выхватила только слово «герой».

– Ну да, герой! – оживилась она. – Лысые мужчины такие сексуальные!

«О боже! – тоскливо подумала Марина. – Заткни этой шлюшке рот!»

В это время поезд нырнул в туннель. Грохот колес заглушил болтовню Сабрины, а тусклый свет в купе, Марина очень на это надеялась, не позволил попутчице разглядеть кислое выражение на ее лице. Они долго мчались сквозь кромешную темноту, затем поезд вырвался из туннеля. Марина замерла от восхищения. На склонах гор тут и там виднелись белые, утопавшие в садах двухэтажные особняки с уютными двориками и верандами, обвитыми виноградом; застыли вдоль дороги темные кипарисы, издали похожие на клинки кинжалов; пальмовые аллеи сменяли ряды высоких эвкалиптов и платанов; буковые и кленовые леса затянули горы, а низины утонули в зарослях орешника, акаций,

олеандров и неизвестных ей деревьев, окутанных розовой и белой дымкой соцветий.

Цветочный запах стал гуще, словно в купе разлили флакон дорогих духов.

– Туапсе! Туапсе! Готовимся к выходу в Туапсе! – прокричала за закрытыми дверями проводница.

Но эти крики не касались Марины, и она привычно не обратила на них внимания. Она с восторгом вдыхала проникавшие сквозь задраенное стекло ароматы. А поезд уже мчался по городу. Потоки машин, красивые дома, санатории, магазины, рекламные щиты, кафе, кафе, еще одно кафе… Куртины роз, кусты бегоний, лохматые пальмы, снова кипарисы, усыпанные крупными, словно восковыми цветами магнолии и мелкими ярко-красными розетками – гранатовые деревья… Все это мимо… Мимо…

Вдруг горы раздвинулись, словно театральный занавес, и Марина увидела море. Сердце ее сжалось. Она так долго ждала его появления и все же оказалась не готова воспринять и этот бесконечный простор, и эту голубизну, и белые барашки волн, и солнце, чьи лучи разбивались о воду на тысячи осколков. И эти осколки блестели, переливались, играли, рябили в глазах, заставив Марину зажмуриться. Она надела темные очки, и краски тут же померкли, словно лазурь подправили серым цветом.

– Смотри, смотри! – вскричала Сабрина и, вскочив, стала вглядываться в окно. – Сколько мужиков на пляжах! – Она вернулась на полку и довольно потерла ладони. – Много потеряешь, подруга, в этих Гаграх!

– Каждому свое! – ответила Марина. Честно сказать, обнаженные тела на гальке ее интересовали мало. Правда, их обилие в какой-то степени радовало, значит, море прогрелось, а она страсть как не любила купаться в холодной воде.

– Ой-ей-ей! – обиженно отозвалась Сабрина. – Корчишь из себя… Знаю я таких монашек! А сами как дорвутся! Встречала я однажды одну профессоршу. Сначала она носом крутила, а потом ударилась во все тяжкие. Она у меня за стенкой жила и такое откалывала, рассказать – не поверишь! О-о! – Сабрина томно закатила глаза. – А днем такая образцовая, скромная.

– Ты зачем мне об этом рассказываешь? – улыбнувшись, спросила Марина. – Я смахиваю на эту профессоршу?

– Ну, не совсем. – Сабрина пожала плечами. – Той оторве лет пятьдесят уже стукнуло. И толще тебя она была раза в два, если не больше. Но поначалу все кривилась, ну как ты точь-в-точь… А после шорты натянула, майку с крутым вырезом и понеслась по кочкам…

– Сабрина, будь добра, избавь меня от этих милых подробностей! – Марина в упор посмотрела на соседку по купе. – Мне это неинтересно!

– Ну и дура! – надулась Сабрина. – Ты в колготках небось на пляж пойдешь и в бронежилете?

– Это мое дело, в чем ходить на пляж, – сухо сказала Марина. – Тебе нравится отдыхать в кругу поклонников, мне – в одиночку. Толпы мне дома хватает.

– Слушай, ты, наверное, в библиотеке работаешь? Или училкой? Начальных классов? – снова оживилась Сабрина. – Это такие, как вы, учат детей, что у нас секса нет! Вот и вырастают озабоченные, все в угрях и в сперме… А в Америке пацан уже в четырнадцать лет взрослых телок трахает, конкретный опыт зарабатывает.

– А ты бывала в Америке? – усмехнулась Марина. – Своими глазами видела этих пацанов? Или на себе испытала?

Сабрина поморщилась:

– Была, не была… Какие мои годы? Еще побываю. А тебе, вижу, против шерсти разговоры о мужиках.

– Против шерсти, – недружелюбно ответила Марина, – особенно если все разговоры только о мужиках.

– А это природа, подруга, – самодовольно улыбнулась Сабрина, – против природы не попрешь!

– Сабрина, тебе не кажется, что это уже диагноз? – Марина с сожалением посмотрела на раскрасневшуюся от нескромных откровений красотку. – Ты о чем-то другом, кроме спаривания, думать способна?

– О другом я в Москве думаю, – парировала Сабрина. – Там у меня забот хватает. Квартирная хозяйка три шкуры дерет, метро все мозги раздолбанило, хозяин гроши платит да норовит бесплатно под юбку залезть. Так почему же мне не оттянуться разок в году, да еще в теплых волнах Черного моря! – Она игриво подмигнула Марине. – И не красней, подруга! Тут все бабы – шлюхи, а мужики – самцы екнутые! Так что не дрейфь, задери юбку, сиськи вперед, и уж точно трахтибидоха подцепишь!

Марина хмыкнула, смерила Сабрину красноречивым взглядом и отвернулась к окну.

– Ой-ей-ей! Знаем мы таких недотрог! – ехидно заметила та и попыталась что-то добавить, но в коридоре снова прозвучал трубный глас проводницы:

– Пассажиры! Кто еще не сдал постель? Адлер через десять минут!

– Е-мое! – подскочила Сабрина. – Мы ж с тобой не сдали белье! Протрепались, мать твою так!

Марина бросила взгляд в окно. Море скрылось за крышами домов и купами деревьев. Но все вокруг наполнил острый, давно забытый запах, который она мгновенно вспомнила. Его невозможно было с чем-то спутать. Он перебивал прочие ароматы, оставлял на губах горьковато-соленый привкус и слегка кружил голову, как доброе старое вино, создавая вокруг ощущение свежести, чистоты и простора… Простора для надежды. Неожиданно для себя Марина загадала…

Впрочем, все, что она загадала, тут же вылетело у нее из головы. Замелькали за окнами станционные здания, железнодорожные пути, виадук, серое полотно перрона, по которому бежали, отталкивая друг друга и переругиваясь, какие-то женщины и мужчины. Они старались притиснуть к стеклу картонки с напечатанными на них словами: «Хоста», «Адлер», «Сочи», «Гагра» и что-то кричали при этом. Верно, предлагали райские кущи под южным солнцем.

Она собрала постель, подхватила сумку с вещами и вышла из купе. Сабрина замешкалась со своим неподъемным чемоданом, который тщетно старалась поставить на колесики и протиснуться с ним в двери купе. Но Марина умышленно не заметила этого. Ей хотелось немедленно очутиться на свежем воздухе, чтобы избавиться от ощущения липкой гадости, которая, казалось, обволокла ее мозг после разговоров с Сабриной. Еще хотелось принять душ, на худой конец просто умыться.

Марина решительно направилась к выходу из вагона, не реагируя на жалобные вопли Сабрины за своей спиной. Теперь они относились не к ней. Краем глаза Марина заметила метнувшегося навстречу Сабрине мужчину из купе, которое она только что миновала. Он был маловат ростом, изрядно полноват, с лысиной на полголовы и с густыми усами.

– Сударыня! Позвольте вам помочь! – вкрадчиво произнес мужчина, а Марина тут же представила, как Сабрина закатила при этом глаза. – О! Какая прелесть! – раздалось следом.

К чему или к кому это относилось, Марина не поняла, но прозвучавший тут же воркующий голосок Сабрины подтвердил ее догадку. Два одиночества встретились, не успев сойти с поезда.

– Ой, какой вы милый! – Сабрина кокетливо захихикала. – Настоящий полковник!

– Подполковник, – поправил ее мужчина. – Но как вы догадались?

– А у вас кокарда на лбу отпечаталась, – снова захихикала Сабрина, а мужчина вторил ей мелким дробным смешком.

«Мозоль на заднице у тебя отпечаталась! По всем параметрам тыловая или штабная крыса», – мстительно подумала Марина и едва успела отклониться в сторону.

Ее чуть было не сбила с ног дебелая дама с расширенными от гнева глазами.

– Геннадий! – рявкнула она. – Ты где застрял?

Марина быстро оглянулась. Подполковник трусил по коридору навстречу даме, оправдываясь на ходу.

– Я просто проверил, может, мы оставили что-то в купе впопыхах!

Сабрина, прикусив нижнюю губу, толкала впереди себя чемодан и, похоже, кипела от злости.

Дама смерила ее подозрительным взглядом и, прикрыв мощным корпусом спину своего супруга, ткнула его кулаком в плечо:

– Двигай давай! Дети одни на перроне…

Глава 2

На перроне Марину тотчас захватила в полон, закружила и завертела толпа бесцеремонных теток, которые принялись хватать ее за руки и приглашать опять же то в Хосту, то в Сочи, то в Геленджик. Они кричали наперебой, тянули ее за сумку, и Марина растерялась.

– Я в Гагры… В Абхазию… – Она пыталась робко отбить их атаки, а сама озиралась по сторонам, стараясь найти в толпе встречавшего ее хозяина. Только теперь она поняла, что не знает его в лицо, равно как и он ее.

– В Гагры? – к ней протиснулась пожилая армянка. – Вам нужна машина? У нас прекрасная квартира. До моря пять минут!

– Сколько? – выдохнула Марина, на всякий случай решив подстраховаться.

– Сутки – двести рублей. За две тысячи перевезем через границу без проблем.

– Две тысячи? – пришла в ужас Марина. – Нет уж, я как-нибудь…

– А за сто рублей? Где можно снять комнату за сто рублей? В Адлере или в Сочи? Поближе к морю… – протиснулся к ним тщедушный мужичок с рюкзачком за плечами.

– Совсем недалеко можно было снять, – кивнула небрежно армянка. – В девяносто девятом году… За десятку – в восьмидесятом. А хочешь прямо сейчас – плати четыреста… – И с раздражением посмотрела на Марину. – Так вы едете или нет?

– Я… – открыла рот Марина.

И тут же заметила стоявшего чуть в стороне мужчину. Он тоже растерянно озирался по сторонам и держал на уровне груди табличку с выведенными красным фломастером словами: «Марина к Анжеле».

Марина решительно протиснулась к нему сквозь толпу.

– Простите, – сказала она, слегка задыхаясь после схватки с гостеприимными южанами. – Я еду в Гагры к Анжеле…

– Марина из Сибири? – вежливо справился мужчина.

– Да, из Сибири, – с облегчением ответила она и быстро пробежалась по нему взглядом. Сухощавый, выше среднего роста, одет в старые шорты и выцветшую красную майку, на голове то ли тюбетейка, белая, с узором, то ли феска, на ногах разбитые сандалии. Щеки и подбородок хозяина покрывала густая с проседью щетина, а еще он был очень загорелым, так загорают люди, круглый день работающие на свежем воздухе

«И впрямь дикий горец какой-то, – подумала Марина. – Пастух, наверное, или строитель…» Тут она вспомнила рассказы Ларисы, что взрослые мужчины в Абхазии на людях в шортах не появляются, тем более с почти голым торсом. И сразу же одернула себя. Ей-то какое дело до наряда этого человека? Удобно ему в выцветшей майке, ну и пусть ее носит, пока она не истлеет! У Семена тоже, бывало, майки расползались на спине от пота, когда они в сорокаградусную жару снимали верхние слои почвы с Толбока…

Марина улыбнулась. Чем-то этот незнакомец напомнил ей мужа. Правда, лет на тридцать старше. Хотя она могла ошибаться, потому что густая щетина на лице, несомненно, старит мужчин. И этот «абрек» вполне мог оказаться младше ее по возрасту. Ей захотелось увидеть его глаза, но они были прикрыты солнцезащитными очками. В отличие от одежды мужчины они стоили дорого. Очень дорого! Марина знала толк в очках, потому что перевидала всякие на лицах своих коллег-археологов, которые каждое лето пахали на раскопках кургана. Экспедиция работала под крылом ЮНЕСКО, поэтому иностранцев в ней было больше, чем россиян. Очередь желающих протянулась на пять лет вперед, и уже никто не удивлялся, что профессор из Сорбонны кайлил слежавшуюся почву на пару со знаменитым коллегой из Германии, а аспирант МГУ подрабатывал по совместительству поваром…

– Я так боялась, что меня не встретят, – призналась она. – В поезде мне такие мрачные истории рассказывали об Абхазии…

– Ерунда, – оборвал ее мужчина. – Не верьте слухам, все это конкуренция. В Гаграх абсолютно спокойно. Я там уже почти два месяца…

– Так вы не хозяин? – изумилась Марина.

– А чего вы испугались? – Мужчина взял из ее рук сумку. – Женщин здесь без их согласия почти не воруют. Да и я не местный житель. Такой же отдыхающий, как и вы. – Он улыбнулся и взял ее за руку. – Пойдемте к машине. Виталий, это ваш хозяин, попросил встретить вас. У него дела в Адлере. Сейчас мы заедем за ним, а затем уже направимся в Гагры. К слову, абхазы называют этот город Гагра, а свою столицу – Сухум. Да, кстати, – на мгновение он замедлил шаг, – может, вы проголодались? На привокзальной площади есть хорошее и недорогое кафе.

– Нет-нет, – поспешила она отказаться, – давайте поедем уже.

– Меня на всякий случай зовут Арсеном, – сказал мужчина.

– Почему на всякий случай? – удивилась она.

– Если вдруг потеряетесь, кричите громко: «Арсен!» – я тут же найдусь.

– А здесь можно потеряться? – поразилась Марина.

– На первых порах запросто, так что следуйте за мной.

Он продолжал держать ее за руку, что было вполне объяснимо. То и дело к ним бросались очень шустрые и бойкие на язык, загорелые до черноты личности, которые весьма напористо предлагали подвезти на такси, устроить комнату рядом с морем и даже поднести вещи до машины. Так что ей повезло: в одиночку она просто не смогла бы пробиться сквозь эту толпу желающих поправить свое благосостояние за счет отдыхающих.

«Арсен, – подумала она. – Странное имя! Вероятно, тоже кавказец, а может, молдаванин, или это укороченное от „Арсений“? Впрочем, он может быть и украинцем. Среди них много смуглых и черноволосых хлопцев».

Рука у Арсена была сухой и теплой, пальцы – тонкими, но сильными, как у музыканта, а может, как у хирурга. «От такого не убежишь. – Она бросила быстрый взгляд на своего проводника. – Очень красивый мужчина! Несмотря на дикарский вид и недельную как минимум щетину… И улыбка у него ослепительная…» На вид ему можно дать за сорок, прилично за сорок, но плечи у него были крепкими и широкими, талия узкой, и весь он был сухой, жилистый, не по возрасту легкий на ногу и подвижный.

– Марина! Марина! – истошный крик за спиной прервал ее мысли.

Арсен резко притормозил, и они одновременно оглянулись.

– Марина! Не бросай меня! – сквозь толпу к ним пробилась Сабрина. Волосы ее растрепались, лоб покрылся испариной. Высокая грудь вздымалась и опадала, словно Сабрина участвовала в забеге на длинную дистанцию. Но взгляд ее был устремлен на Арсена. Похоже, она успела оценить его внешние достоинства, потому что свободной рукой кокетливо взбила волосы и, прищурившись, смерила его отнюдь не целомудренным взглядом.

– О, какой мужчинка… – протянула она многозначительно и перевела свой взор на Марину. – Ты же мне обещала…

– Я тебе ничего не обещала, – отрезала Марина.

Ей покоробили и взгляд, и тон, которым Сабрина разговаривала с ней. Обиженно и высокомерно одновременно… Мысленно она пожелала Сабрине провалиться в тартарары. Конечно, она совсем не собиралась крутить пустые курортные романы, тем более отбивать поклонников у Сабрины, но при виде Арсена сердце ее дрогнуло. И совсем не потому, что она увидела в нем потенциального любовника.

Просто он сильно смахивал на тех мужчин, с которыми она проводила лето за летом на раскопках кургана. Это был близкий и понятный ей кружок единомышленников, коллег и друзей. С ними она чувствовала себя в своей тарелке, не боялась опростоволоситься, ощутить себя лишней, слабой, ненужной. Возможно, это чисто внешнее сходство и стало причиной того, что она сразу почувствовала к Арсену доверие, правда, с некой примесью тревоги. Похожесть была не только в одежде, или в загаре, или в том же давно не бритом лице, но еще и в чем-то другом, пока неясном, что не определишь с ходу, навскидку. Это ощущалось на уровне подсознания, а все, чему она не умела найти объяснения, ее раздражало и лишало покоя до тех пор, пока она не докапывалась до истины.

Тут совсем некстати она вспомнила о флюидах, которые испускают сексуально озабоченные особи обоих полов. Недавно Марина прочитала об этом в какой-то газетенке. Что за фривольные мысли? Она недовольно поморщилась. Сейчас нужно придумать, как немедленно избавиться от Сабрины, пока она окончательно не присела Арсену на уши.

– Мариночка, ласточка, ну что тебе стоит похлопотать за меня, – умильно улыбнулась Сабрина, бросив лукавый взгляд на Арсена.

Марина едва не задохнулась от негодования, но взяла себя в руки.

– Арсен не хозяин машины. Он просто отдыхающий. Мы сейчас заедем за хозяином. А потом нам нужно еще добраться до Гагр. Так что поищи среди таксистов, кто довезет тебя до Сочи, – отчеканила она с металлическими нотками в голосе.

Но ее слова то ли пролетели мимо ушей Сабрины, то ли мысли той вновь потекли в известном направлении.

Она не сводила взгляда с Арсена и, видно, машинально то и дело облизывала губы.

– Отдыхающий? – спросила она таким тоном, что Марина мгновенно поняла: Арсену из ее цепких коготков не вырваться. – Арсен… Какое романтическое имя. – Сладко улыбаясь, Сабрина подтащила к себе чемодан и протянула свободную руку Арсену. – Давайте познакомимся. Сабрина, – и, поведя плечиком, прищурилась, – маленькая ведьма. – Глаза ее блеснули. – Оставила свою метлу дома, поэтому от вашей помощи не откажусь. – Она капризно надула губки и смерила Марину негодующим взглядом. – Злюка такая, зачем обижаешь маленькую девочку? Он совсем не против подвезти меня. Правда, Арсен?

– Простите, не могу подать вам руку, – галантно улыбнулся Арсен. – Видите, они обе заняты. Но у меня есть полчаса, чтобы подвезти вас, если это недалеко, и только в том случае, если ваша подруга не станет возражать. Ведь у меня определенное задание: встретить ее и благополучно передать в руки хозяина.

– Я не против, – суше, чем следовало бы, ответила Марина. Ее даже не порадовало, что Арсен не выпустил ее руки, чтобы пожать узкую с розовыми ноготками ладошку Сабрины.

– Мариночка-лапочка, не сердись. – Сабрина лукаво посмотрела на нее. – Знаешь, ты меня убедила. Плевать мне на эти Сочи! Решено! Я тоже еду в Гагры. – Взгляд ее изменился на игривый и теперь предназначался Арсену. – Как вы думаете, найдется для меня местечко рядом с подругой?

– Насчет местечка не ко мне. Простите. – Арсен отпустил ладонь Марины и взялся за ручку чемодана Сабрины. – Позвольте, я помогу вам справиться с вашим багажом. Сейчас мы первым делом захватим хозяина дома. Возможно, у него есть для вас комната.

– А вы замолвите за меня словечко? – Сабрина очень ловко оттеснила Марину и заняла место рядом с Арсеном. Тот шел быстро, а Сабрина семенила рядом с ним на высоких каблуках и все время что-то весело щебетала, заглядывая ему в лицо.

Марина с унылым видом плелась следом. Впереди маячила спина Арсена. Марина старательно отводила от нее взгляд. Ее друзья и коллеги тоже загорали до черноты, по неделям не брились в поле, и спины у них в основном были крепкими, без единого намека на жировые отложения. Но почему-то они не привлекали ее внимания, хотя у некоторых аспирантов спины были и покруче, чем у Арсена, – настоящие пособия по изучению анатомического строения мышц. Ей захотелось коснуться его плеча ладонью, удержать рядом… Но в это мгновение на нее налетел подросток на роликовых коньках и с рюкзаком за плечами.

Марина едва удержалась на ногах.

«А, чтоб тебя!» – выругалась она про себя. Хотела добавить кое-что покрепче вслух, но паренек, даже не подумав извиниться, ввинтился в толпу и почти мгновенно исчез из поля зрения.

К ее большой досаде, Арсен настолько увлекся разговором с Сабриной, что даже не оглянулся на шум. Но это происшествие наконец отрезвило ее, и Марина уже другими глазами взглянула на парочку, которая успела уйти вперед на приличное расстояние. Нет, именно здешний воздух, и только он один, виноват в том, что первый встречный показался ей чуть ли не воплощением всех ее идеалов и надежд!

Настроение у Марины окончательно испортилось. Она представила, как выглядит со стороны. Уставшая, с припухшим в дороге лицом, с темными кругами под глазами, не первой свежести дамочка в белой футболке и в джинсах. Оглядись по сторонам, подобных вокруг миллион! Поникших, потерянных, неспособных забыть прошлое и по этой причине разобраться в настоящем и обрести будущее. После смерти Семена Марине казалось, что в ней образовалась сквозная рана, через которую постоянно свищет ветер, выдувая из ее души остатки веры в то, что ей суждено вновь ощутить хотя бы подобие того счастья, которое она испытывала с мужем.

Вероятно, она была из однолюбов. Точнее, ей просто удобно считать себя однолюбкой. Федор не шел в зачет. Его она никогда не любила, просто привязалась, как обычно привязываются к существу, которое слабее тебя и попросту погибнет без доброты и участия.

Марина вздохнула, и тут Арсен, видно, вспомнив о своих обязательствах, замедлил шаг и оглянулся.

– Мариша, – сказал он, а сердце ее затрепетало от неожиданности. Давным-давно никто не называл ее Маришей. Даже подруги величали ее только Мариной, а коллеги и вовсе Мариной Аркадьевной. – Вы устали? Может, зайдем все-таки в кафе? Выпьем по чашечке кофе? Здесь варят замечательный кофе, – и снова расплылся в улыбке, от которой у нее всякий раз замирало в груди, – а потом гадают на кофейной гуще. – И остановился, дожидаясь, когда Марина поравняется с ним. – Хотите, я договорюсь?

– Не стоит, – отказалась она. – Я не увлекаюсь гаданиями.

Но Сабрину это предложение искренне обрадовало. Хотя оно было адресовано Марине, Сабрина, радостно захлопав в ладоши, даже не заметила этого.

– Кофе! Замечательно! А вы случайно сами не гадаете?

Марина могла дать голову на отсечение, что Арсен смерил девицу насмешливым взглядом. Под очками она не смогла разглядеть выражение его глаз, но губы скривились презрительно, правда, только на мгновение. Несмотря на свой отнюдь не презентабельный наряд, он был, похоже, хорошо воспитан, поэтому ответил однозначно, но вежливо:

– Девушкам не гадаю.

Но Сабрину это не остановило.

– А кому гадаете? Мужчинам?

– Никому не гадаю. – Арсен произнес это более раздраженно и снова ускорил шаг.

Они миновали здание вокзала и вышли на привокзальную площадь. В тени деревьев Марина заметила шеренгу автомобилей. К ним и направился Арсен.

– Вот наша машина. – Он остановился возле темно-зеленой, почти черной «Нивы-Шевроле». – Она принадлежит фруктовой компании, где работает Виталий. И он не позволяет чужим людям садиться за руль. Но сегодня сделал исключение, чтобы встретить Марину.

Объяснение прозвучало для Сабрины. На Марину он даже не посмотрел, словно после отказа выпить кофе она окончательно перестала для него существовать.

«Ну и пусть, – подумала она, – мне-то с чего расстраиваться? Главное, что довезут до Гагр, а все остальное – дело десятое!»

Арсен положил в багажник их вещи, затем открыл заднюю боковую дверцу машины и сделал приглашающий жест.

– Добро пожаловать на посадку, сударыни!

– Я – рядом с водителем. – Сабрина рванулась к передней дверце, но Арсен покачал головой.

– Простите, но это мое место. Виталий сам пересядет за руль, иначе нас не пропустят на границе. И уступить свое место я никак не могу. Не положено!

– Не положено? – надулась Сабрина. – Кем не положено? Я привыкла ездить рядом с водителем.

– В Абхазии рядом с водителем обычно возят шлюх, – вкрадчиво заметил Арсен. – Вы на это намекаете?

Сабрина побагровела, открыла рот, но Арсен продолжал как ни в чем не бывало:

– Тогда, быть может, вам следует нанять такси? С ветерком вас домчат до Гагры, причем по цене билета от Москвы и обратно.

– Какой вы жестокий, – надула губки Сабрина и взгромоздилась на сиденье рядом с Мариной.

Арсен занял место водителя и обернулся к женщинам.

– Устроились? Можно ехать?

– Да, – кивнула Марина, – все нормально.

Сабрина коснулась ладонью его плеча, похоже, игривое настроение снова вернулось к ней. Ее пальцы быстро прошлись по колючей щеке водителя и шутливо дернули его за ухо.

– Нехороший мальчик, но маленькая ведьма его прощает. – Она покосилась на Марину и отняла руку. – Мы вас благословляем, Арсен. Надеюсь, вы понимаете, какой драгоценный груз везете?

– Драгоценнее некуда, – усмехнулся он и повернул ключ.

Мотор заработал, машина тронулась с места. Арсен включил магнитолу.

Белый снег сияет светом,

Черные глаза… —

раздалось из динамика, и Марина судорожно перевела дыхание.

Только сейчас она почувствовала, что сковавшее ее напряжение окончательно отпустило ее. Чего она разволновалась? Сабрина в своем репертуаре! Осваивает жизненное пространство и явно уже нашла кандидата в любовники. Редкий мужчина устоит перед натиском такой красотки. Почему же Арсен должен стать исключением? Если, конечно, в Гаграх не дожидается его жена. Почему-то она представила ее похожей на супругу того подполковника, который пытался помочь Сабрине в вагоне. Но тут же постаралась отогнать эти мысли. Ей плевать, есть ли у Арсена жена и удастся ли Сабрине захомутать его в случае отсутствия супруги. Через неделю или чуть больше она вернется домой, с головой окунется в дела и выбросит этих людей из своей головы навсегда.

– Слушай, как он тебе? – прошептала Сабрина. От нее несло терпким запахом пота и пряным – духов.

Марина невольно отодвинулась от нее, но успела разглядеть под слоем тонального крема мелкую сеточку морщин вокруг глаз. Сабрина оказалась не столь молода, как это выглядело на расстоянии.

– Чего молчишь? – прошипела та. – Ты узнала, чем он занимается?

– Кажется, он пастух, – разозлилась Марина. – Выгоняет на выпас отдыхающих, а вечером загоняет обратно их в стойло.

– Чего злишься? – Сабрина с подозрением посмотрела на нее. – Приревновала, что ли? Или надеешься прибрать его к рукам? Не пытайся даже! Видела, как он на меня смотрел? Если бы ты не влезла, мы давно бы сидели с ним в кафе…

– Кто тебе мешает сделать это чуть позже? В Гаграх? – усмехнулась Марина. – Только что ж ты его о доходах не спросила? И про разруху в Абхазии сразу забыла?

Сабрина скептически усмехнулась и окинула ее презрительным взглядом.

– Сразу видно, что ты в мужиках разбираешься, как я в космической технике. Какой он пастух? Ты посмотри на его майку и шорты? Это ж фирма! Знаешь, сколько они в баксах стоят? А сандалии? А очки? – Она снова склонилась к уху Марины. – Может, он и вовсе переодетый олигарх? – Она перевела взгляд на Арсена. – Точно, он кого-то мне напоминает. То ли Ходорковского, то ли этого, как его, Абрамовича…

Марина с удивлением посмотрела на Сабрину. Неужели так умело прикидывается дурой? Или и впрямь верит, что за рулем у них сидит «начальник Чукотки»?

– Абрамович, говорят, в Венеции на яхте плавает, а Ходорковский в Чите, кажется, тапочки шьет или наволочки. На зоне новый вид бизнеса осваивает. – Марина отвернулась к окну. – Лучше сразу спроси, какой у него доход, пока границу не пересекли. Вдруг твое счастье в Сочи или в Геленджике осталось?

– Ты не беспокойся, я такие делишки живо обделываю, – отмахнулась Сабрина. – Приедем в Гагры, там все расчухаю. Никуда он от меня не денется. А в Сочи я всегда успею вернуться.

– Как хочешь, – равнодушно пожала плечами Марина. – Только держись от меня подальше! – И отвернулась от негодующе фыркнувшей соседки.

Конечно, начинать отдых с конфликта – плохая примета, но отпор Сабрине нужно было дать с самого начала, тогда бы не пришлось выслушивать ее пошлую болтовню и наблюдать, как разворачивается на твоих глазах банальный курортный романчик. Она представила их в жарких объятиях – Арсена и Сабрину, – и ей стало тошно. Ну, почему ей так не везет? Обязательно найдутся люди, которые надолго испортят ей настроение. И хотя она по-прежнему испытывала симпатию к Арсену, но одно предположение, что он способен поддаться чарам легкомысленной девицы, повергло ее в уныние.

К счастью, они подъехали к промежуточной цели своего маршрута – к воротам, за которыми виднелись длинные, похоже, складские помещения. Машина остановилась. Арсен выглянул из окна и помахал рукой высокому худощавому человеку лет тридцати пяти в белых брюках и в легкой рубашке.

– Ора, Виталий! Ара уаай![Ора – обращение к мужчине (абхазск.). Ара уаай ! – Иди сюда! (абхазск.)] – крикнул Арсен и, выйдя из машины, закурил. Марина заметила, что это был «Парламент», сигареты, которые по карману не всякому россиянину. Сабрина тоже это разглядела и многозначительно скосила глаза на Марину, тут же забыв, что та просила держаться от нее подальше. Человек, которого Арсен назвал Виталием, отделился от группы людей, с деловым видом рассматривавших какие-то документы, и быстрым шагом направился к «Ниве».

– О, какие девочки! – Он заглянул в салон автомобиля и радостно улыбнулся. У него были густые темные усы и пышная волнистая шевелюра. Взгляд живых черных глаз остановился на Марине, затем переместился на Сабрину.

– Арсен, ты что делаешь, а? Такую бомбу везешь в Абхазию!

– Знакомьтесь, девочки! – Арсен вышел из машины и пожал руку мужчине. – Это и есть Виталий Айба – очень веселый, но искренне преданный жене парень.

– Жена? Сразу жена, а? – Виталий воздел руки к небу. – Кто тут сказал о жене? Сразу дождик пойдет, если в Адлере вспомнишь о жене!

Арсен засмеялся и похлопал его по плечу.

– Держись, старина! Дождик не самое страшное испытание! А вот если Анжела тебе вломит…

– С Анжелой я разберусь! – расплылся в улыбке Виталий и занял место водителя. – Что, поехали?

Арсен, торопливо докурив сигарету, бросил бычок в урну и устроился рядом с ним.

– Давай! – коротко бросил он.

Словно сговорившись, оба дружно оглянулись, только взгляд Арсена был устремлен на Марину, а Виталия – на Сабрину.

– Готовы? – спросил Виталий.

– От винта! – весело добавил Арсен и подмигнул Марине.

А до нее дошло вдруг, что он снял очки. Голубые глаза резко контрастировали со смуглой кожей. Сердце Марины дрогнуло, но она тут же рассердилась на себя. «Этот красавчик не про твою честь, Марина! Выкинь его из головы! – приказала она себе мысленно. – Это просто картинка из глянцевого журнала. Посмотрела, в крайнем случае вырезала и положила под стекло, но влюбляться в него…»

Боже, какое «влюбляться»? Марина едва сдержалась, чтобы не выругаться про себя. Неужели на нее подействовали запахи цветов и моря? Чересчур подействовали! Одурманили, заворожили до такой степени, что против воли проникли в ее голову крамольные мысли…

Она недовольно покосилась на Сабрину. Склонив голову, та торопливо подкрашивала губы, затем спрятала зеркальце в сумочку и победно взглянула на Марину.

– А хозяин тоже ничего, – прошептала она и кивнула на Виталия. – В моем вкусе! Балдею просто от жгучих брюнетов! Жаль, что абхазские мужики сейчас не при деньгах, а то закрутить с ними – раз плюнуть! – Она склонилась к Марине, но та отодвинулась. Сабрина, не заметив этого, пододвинулась еще ближе, и Марина оказалась зажатой в угол.

Обдавая ее горячим дыханием, Сабрина продолжала шептать:

– В прошлом году один абхаз предлагал мне оформить с ним фиктивный брак. Сама понимаешь, чтобы прописаться в Москве. У него жена в Пицунде и куча детей. Он хотел с ней вроде как развестись, а на мне подженитьcя, чтобы на работу в Москве официально устроиться. Но его старший брат меня увидел и запретил. Сказал, что со мной он и вправду семью бросит, а в Абхазии это позор большой. – Сабрина мелко захихикала и отодвинулась. – Хотя я бы и сама на это не пошла. Кто он? Голь перекатная, да и регистрация у меня тоже липовая. Тыщу баксов пришлось отдать за штамп в паспорте…

Сабрина продолжала болтать, но, главное, она перестала прижиматься к Марине пышной грудью. И, вздохнув с облегчением, та принялась созерцать мелькавшие за окном пейзажи. Назойливое бормотание рядом продолжалось еще какое-то время, но, к счастью, соседка вскоре выдохлась и, кажется, задремала.

–Приготовьте паспорта, – сказал Виталий. – Подъезжаем к границе. Надо выйти из машины. Сначала зарегистрируйтесь на российском посту, а затем нужно перейти мост через Псоу, показать свои паспорта абхазским пограничникам, и, – он присвистнул, – все свободны! Дождитесь, пока я подъеду. На это уйдет минут пятнадцать. Арсен вас проводит.

Процедура регистрации заняла пару минут, не больше. Правда, пограничник попросил Марину снять солнечные очки. Она подняла их на лоб, пограничник сверил ее лицо с фотографией, быстро занес в компьютер данные паспорта и вернул его владелице. Она заметила на его столе под стеклом несколько снимков, похоже, из серии «Их разыскивает милиция», и усмехнулась про себя. Что ж, первый рубеж она миновала успешно!

Арсен и Сабрина прошли следом, причем Сабрина ни на шаг не отставала от спутника. Тот подхватил ее под локоток, потому что Сабрина на своих каблуках то и дело спотыкалась на выбоинах в асфальте, но при этом без умолку трещала

и лучезарно улыбалась галантному кавалеру. О чем конкретно она болтала, Марина не слышала, Арсен же воспринимал ее треп с непроницаемым видом. Это в какой-то степени порадовало Марину, но тут Арсен заметил, что она смотрит на него, и улыбнулся. Она сразу же отвернулась и негодующе фыркнула. Не хватало, чтобы он заподозрил ее в особом интересе к своей персоне.

Нужно сказать, что на абхазской стороне, на том самом мосту через реку Псоу, в их паспорта лишь заглянули и вернули обратно. Усатый страж в камуфляже, как старому знакомому, помахал Арсену рукой, что-то весело выкрикнул по-абхазски, явно в адрес его спутницы, и тотчас принялся помогать старушке в черном платье сдвинуть с места неподъемную с виду тележку. На ней поверх мешка сахара громоздились перетянутые бельевой веревкой коробки с массой нужных для хозяйства мелочей: электрическими лампочками, рулонами туалетной бумаги, упаковками стирального порошка и комплектами постельного белья….

Благополучно миновав абхазский пограничный пост, они спустились с моста и тотчас увидели машину Виталия. Она стояла у обочины, а сам хозяин, присев на корточки, курил в компании седого, с крупным носом, тоже усатого абхаза.

– Поехали? – поднялся Виталий при появлении своих спутников и кивнул абхазу: – Абзиараз, Даур! Хайбабот![До свидания, Даур! Увидимся!]

Вскоре машина миновала расположенный на границе с Россией городок Гячрыпш и выехала на трассу, которая шла вдоль моря до Сухуми и дальше до реки Ингури, отделяющей Абхазию от Грузии. Поток автомобилей заметно поредел, а затем и вовсе сошел почти на нет. Исчезли мелькавшие мимо сады и кукурузные поля, а после городка Цандрыпш к трассе вплотную подступили горы. Кое-где виднелись свежие оползни, пару раз им пришлось обогнуть груды желтых камней, которые не успели убрать с дороги.

Арсен повернул голову и пояснил:

– Два дня назад здесь прошел сильнейший ливень. В Адлере машины заливало выше колес, а в Гаграх – ни дождинки. В горах погрохотало – и все!

– А как море? – спросила Марина. – Вода чистая?

– Чистая и теплая, как парное молоко. В начале июня было много медуз, и сейчас попадаются, но редко, – пояснил Арсен и без перехода спросил: – Вы надолго в Гагру?

– На неделю, – ответила она. – Дольше дела не позволяют.

– Неделя? – изумился Виталий. – Поживешь неделю, еще захочешь. На Рицу съездишь, на Гегу… Когда в море будешь купаться?

– Как-нибудь выкрою время, – улыбнулась Марина. – И на Рицу съезжу, если получится. Помню, конфеты такие были. «Озеро Рица» назывались.

– Что конфеты! – весело отозвался Виталий. – На Геге побываешь, про конфеты забудешь, а парочку стаканов нашего абхазского вина выпьешь, вообще на все лето у нас останешься, – и хитро подмигнул ей в зеркало заднего вида. – А, может, и на всю жизнь! Станешь у нас горянкой, вон Арсен давно себе жену ищет! С ним и подавно про дела свои забудешь! Такая, как ты, точно украсит его дом!

Арсен захохотал:

– Виталик! Твои бы слова да богу в уши!

Марина покраснела и отвела взгляд, сделав вид, что эти слова к ней не относятся. И постаралась быстренько перевести разговор в другое русло.

– А что такое Гега? – спросила она. – Озеро или река?

Арсен с готовностью повернулся к ней вполоборота.

– О, Гега! Это сказка, а не река! Впадает в Юпшару, а та в Бзыбь у подножия горы Куджба. Все реки о-очень своенравные! Много порогов, прижимов, шиверов[Мелководный каменистый участок реки с быстрым течением.]. В прошлые времена туристы-водники толпами сплавлялись по Бзыби, да и в самом Бзыбском ущелье народу летом бывало – не протолкнешься. Но Виталий говорил вам не о реке, а о водопаде. Самый крупный в Южной Европе. Без каскадов, как это частенько бывает. Вода падает с отвеса этак метров в семьдесят высотой.

Зрелище и впрямь замечательное! Обязательно поезжайте! Не пожалеете!

– Посмотрим, – пожала плечами Марина. – Никогда не загадываю наперед. Я здравомыслящий человек и реально оцениваю свои возможности.

– Жаль! – сказал Арсен и принял исходное положение. А Марина так и не поняла, к чему относилось его замечание. То ли к ее здравомыслию, то ли к тому, что она способна пренебречь таким удовольствием, как созерцание замечательного Гегского водопада.

Она бросила взгляд на Сабрину. Та спала, привалившись к спинке сиденья. Пухлые губы приоткрылись, и на подбородок сползла струйка слюны. Лицо ее раскраснелось, белокурые волосы слиплись на висках.

– Простите. – Марина коснулась плеча Виталия. – Можно опустить стекло с моей стороны?

– Без проблем! Дыши нашим воздухом, наслаждайся!

– Спасибо! – сказала она и подставила лицо свежему ветерку с гор. Справа опять показалось море, и Марина пожалела, что заняла место не с той стороны, с которой следовало бы.

На море она могла смотреть бесконечно, но поглотившие берег густые заросли то и дело его заслоняли. Тогда она переводила взгляд на покрытый пышной растительностью горный хребет. Дорога шла по склону горы, все время заворачивая влево. Со стороны Марины он почти отвесно уходил вверх, прямо в бледно-голубое небо. Со стороны Сабрины – резко падал вниз.

Сочные травы, папоротники, непроницаемая стена колючих кустарников затянули основание леса – огромные глыбы, замшелые пни и полусгнившие валежины. Многие деревья с трудом удерживались на покрытых зеленым мхом камнях. Их гигантские стволы обвивал плющ, с ветвей свешивались гирлянды лиан, а в тенистых местах – мох-бородач. Некоторых представителей южной флоры она узнавала сразу – дубы, клены, тополя, лещина, естественно, пальмы и олеандры, бамбук и платаны, мимозы и даже бананы с гроздьями мелких плодов, другие же были ей абсолютно незнакомы. У дороги, точь-в-точь как в Сибири или в Средней полосе России, разлеглась мать-и-мачеха, цвели полевые

ромашки, синели цикорий и дикая мята, розовели вьюнки и еще какие-то мелкие цветы, издали похожие на чабрец. Иногда среди кипарисов и пальм мелькали белоснежные здания санаториев и баз отдыха, некоторые еще в строительных лесах,

– Смотри! – Виталий вытянул руку вперед. – Наша Гагра.

Побережье изгибалось гигантской подковой. Вдоль берега бухты узкой, но длинной полосой вытянулся город. Белые пятна особняков, особенно яркие на фоне темной зелени, облепили подножие горы. Многоэтажных зданий виднелось мало. Для курортного города это было нетипично.

Виталий, казалось, угадал ее мысли:

– Война отбросила нас лет на сорок назад. – Взгляд его в зеркале изменился, стал серьезным, даже жестким. – Мужчин в первые годы после войны вообще не впускали в Россию. Работы не было совсем. Отдыхающие тоже перестали ездить. Наши женщины на тачках везли в Адлер мандарины, орехи, фейхоа, простаивали на посту несколько суток и сдавали все за гроши перекупщикам. И Анжела моя там здоровье потеряла, и теща. И мерзли они, и под дождем мокли… А затем на эти копейки покупали в России одежду, лекарства, продукты и снова назад на своем горбу везли это нашим детям в Абхазию.

Он весело прищурился и подмигнул Марине в зеркальце заднего вида.

– Да ты не дрейфь! Абхазы не пропадут, пока есть вино и мамалыга. И не пропали! А теперь и вовсе не пропадем. Русские помогли нам победить в войне, а теперь вкладывают деньги в нашу экономику. Пенсионеры стали получать доплату к пенсии от вашего президента.

– Раньше пенсия была сто рублей, теперь – около двух тысяч, – засмеялся Арсен. – Огромные деньги!

– А ты не смейся! Деньги, конечно, по вашим меркам небольшие, но для наших стариков и они в радость! – серьезно сказал Виталий. – Вашего президента у нас крепко уважают. Он нам российские паспорта дал, значит, теперь он и наш президент. – И Виталий снова подмигнул Марине: – Чего скисла? Не горюй! Все у нас хорошо! А будет еще лучше. Года три назад тут дома за десять тысяч не

хотели покупать, а теперь с руками рвут за миллион.

– Долларов? – удивилась Марина.

– Что ты? Пока еще рублей! – засмеялся Виталий. – Отдыхающие к нам все смелее и смелее едут, хотя по телевизору уже в апреле начали всякие глупости болтать про Абхазию. То грузинские танки на подходе к Ингури, то в Батуме беженцев стали выселять из общежитий, и они пошли напролом через границу, то российских миротворцев выводят… О чем только не трепались, только русские все равно приехали отдыхать. Значит, наши люди заработают себе на жизнь, понимаешь, на целый год заработают.

Виталий замолчал на мгновение: в это время он обгонял тяжелый лесовоз с пучком толстенных бревен. Обгон прошел благополучно, и Виталий заговорил снова:

– Осенью, как только виноград созреет, вином займемся. Я в прошлом году больше тонны вина залил и чачи уже не помню сколько, но много. В ноябре—декабре пойдут лимоны, апельсины, мандарины. Вырастить их сложно, лечить надо деревья, ухаживать за ними, чтобы хороший урожай собрать. Я уже говорил, сдаем их за копейки, а вы, как за заморские фрукты, бешеные деньги платите… А ведь у нас еще и киви растет, и фейхоа, и хурма, и инжир… Все растет, только бананы пока не вызревают…

Марина слушала Виталия, не отрывая взгляда от улиц города. Среди пальм и кипарисов виднелись когда-то прекрасные особняки, дворцы, кинотеатры и рестораны. Сердце ее сжималось при виде облупившихся стен, разбитых каменных парапетов и лестниц, зияющих провалов окон. Некоторые здания и вовсе были разрушены. Она впервые наяву увидела последствия бомбежек и артобстрелов. Следы войны были бы заметны еще больше, если бы их не скрывала буйная растительность.

И все же Старые Гагры поразили Марину своей изысканной красотой, кружевной прелестью известной колоннады, а еще бесконечной аллеей огромных эвкалиптов. Кора на них висела клочьями. Как пояснил Виталий, таким образом деревья спасались от жары.

– Раньше здесь было болото. – Широким жестом он обвел пространство перед собой. – Колхидская низменность. Комары, малярия. Кто-то очень умный предложил высадить эвкалипты. За сутки они поглощают полторы сотни литров воды. Говорят, насильно заставляли людей высаживать деревья. Под пистолетом. Никто не верил, что они осушат болото. И видишь – получилось. А теперь смотри. – Он кивнул влево, где на обочине лежали два недавно спиленных великана. – Дорогу расширяют и даже эвкалипты не щадят…

Ближе к центру города разбитые дома почти исчезли, зато тут и там Марина заметила новостройки – красивые двух– и трехэтажные особняки, ничем не хуже тех, что возводятся сейчас на окраинах и в предместьях российских городов, здания банков и супермаркетов с тонированными стеклами и европейской отделкой. Да и сам город жил обычной мирной жизнью: по улицам сновали по-летнему ярко одетые люди, курились дымки вынесенных на улицу мангалов, мелькали неоновые вывески магазинчиков и пестрые шатры летних кафе. В окно то и дело врывалась музыка, а мимо проносились автомобили, правда, их было несравнимо меньше, чем в Сочи или в Адлере.

Марина заметила, что на лобовом стекле каждой или почти каждой машины красовалась яркая наклейка: бело-зеленые полоски абхазского флага, а под ним ярко-красным выведено: «Я люблю Абхазию». Виталий то и дело высовывал руку из окна или громко сигналил, приветствуя знакомых. Судя по количеству сигналов и взмахов руки, в приятелях у него значилась добрая половина города.

На обочине застыла машина местной ГАИ, и гаишник в точно такой же, как в России, милицейской форме откозырял их машине и что-то весело прокричал вслед по-абхазски. Виталий при этом лихо обошел по встречной полосе тащившийся впереди с черепашьей скоростью древний «Бьюик», и Марина подумала, что рассказы Ларисы о лихости местных водителей – отнюдь не вымысел.

Справа то пропадало, то появлялось море. Мелькавшие мимо темные силуэты пальм на его фоне казались декорациями теневого театра. Багровое солнце зависло над поверхностью моря. Огненная дорожка протянулась от самого горизонта и была почти неподвижной, как и все водное пространство.

Марина посмотрела на часы. Пожалуй, она еще успеет искупаться. Необыкновенное ощущение покоя, тихой радости и предчувствие счастья заполнили ее душу. Она вздохнула и тут же поймала взгляд Арсена в зеркале

заднего вида. Он посмотрел на нее и мигом отвел глаза. В них не было ни любопытства, ни интереса. Посмотрел себе и посмотрел. Наверняка случайно. И все же это ей не понравилось. Марина постаралась тут же забыть об этом взгляде. У нее другие интересы, другие заботы, и мужчинам в ее мысли вход запрещен! Да, запрещен! И особенно таким, как Арсен. Непременно и окончательно! Решительно и бесповоротно!

Она стиснула ладони и закрыла глаза.

«Сосредоточься, Мариша, – приказала она себе мысленно. – Все у тебя прекрасно и удивительно! Просто ты немного устала! Забудь о проблемах! Ты не станешь брать в голову ни этого Арсена, ни Сабрину! Ты будешь наслаждаться жизнью, купаться в море, загорать и даже съездишь на Рицу и Гегский водопад, если это будет не слишком дорого…»

Она открыла глаза и вздрогнула от неожиданности. Арсен сидел вполоборота и пристально смотрел на нее.

– Что-то не так? – спросила она с вызовом.

– Все в порядке! – Он едва заметно улыбнулся. – Просто не пойму, кого вы мне напоминаете? Мы с вами раньше нигде не встречались?

– Нет, – сухо ответила она, – не имела чести.

– Будьте проще, – сказал он тихо, – и люди к вам потянутся. – Глаза его недовольно блеснули.

Но она тоже не смогла промолчать.

– Будьте проще, но не слишком. Простейшее – амеба! – произнесла она язвительно и уточнила: – Это не я сказала. Эмиль Кроткий заметил. Надеюсь, вы слышали это имя?

– Слышал. – Интонация, с которой он произнес это слово, никак не смахивала на дружелюбную. Арсен снова смерил ее взглядом и отвернулся.

Марина перевела дыхание. Вроде бы она сделала все, чтобы скрыть свой интерес к этому человеку. Но только скрыть, а не подавить его совсем. И это ей совсем не понравилось.

Глава 3

– Это наш рынок! – прокричал Виталий и вытянул руку в сторону выстроившихся в ряд разномастных киосков и магазинчиков. Над ними возвышалось серое здание с куполообразной крышей, судя по его неприглядному виду, тоже изрядно пострадавшее во время войны.

Миновав рынок, машина свернула влево. Справа промелькнуло открытое кафе. Из-за бамбукового забора раздавалась веселая музыка. Возле входа во дворик кафе толпились загоревшие до черноты мужчины в шортах и майках, женщины в разноцветных, обернутых вокруг талии парео и в легкомысленных шляпках. Они были веселы и оживленны, то есть пребывали в обычном состоянии людей, вкусивших радости беззаботного отдыха на море.

Справа показались мрачные руины – скелеты недостроенных и разрушенных то ли временем, то ли войной зданий, судя по архитектуре – несостоявшихся гостиниц.

– Еще до войны начали строить, – пояснил Виталий, кивнув в сторону развалин. – Уже и окна застеклили, и сантехнику установили. Через месяц хотели принимать отдыхающих. А тут война. Все, что можно было растащить, растащили… В прошлом году хозяева приезжали. Покачали головами и уехали. Говорят, легче все снести и по новой построить. Может, кто и начнет строить… Многих отдыхающих эти скелеты отпугивают, а что в них страшного? В них разве что змеи живут!

– Змеи? – вскинулась Сабрина. – Здесь водятся змеи?

– Ага, – засмеялся Виталий, – вчера тут питона видели. Огромного такого, зеленого… Ночью ходи осторожно, чтобы к себе не утащил.

– А я по ночам одна не хожу, – захихикала Сабрина и покосилась на Арсена. – Надеюсь, здесь найдутся настоящие мужчины, которые не побоятся составить компанию одинокой девушке.

– Надейся! – засмеялся Виталий. – Здесь все надеются!

Машина нырнула в узкий переулок. Стемнело, и в окнах добротных особняков по обе стороны дороги зажглись огни. Виталий вывернул «Ниву» на просторную, покрытую асфальтом площадку перед высоким забором. Из распахнутой настежь калитки с оглушительным лаем вырвались два пса: крупная серая дворняга с лобастой головой, в брезентовом ошейнике и рыжая, мелкая, по всему видать, тоже не голубых кровей собачонка. Громко просигналив, Виталий высунулся из окна и крикнул:

– Обара, Анжела! Принимай гостей!

Собаки, заслышав его голос, завиляли хвостами и ретировались во двор. Тут же в его глубинах что-то с грохотом упало и покатилось, издавая громкое лязганье. Одновременно с этим звуком из калитки на приличной скорости выскочил детский велосипед, на котором восседал и бойко крутил педалями черноглазый малыш в одной майке и босиком.

– Папа! – Велосипед отлетел в сторону. В мгновение ока малыш вскарабкался на подножку «Нивы», скользнул в открытое окно и, оказавшись на руках у Виталия, надавил на клаксон.

Резкий сигнал разорвал тишину, и только Марина успела перевести дыхание, настолько ее поразила резвость сорванца, как из калитки вылетела на рысях красивая молодая женщина в коротком пестром сарафане.

– Саид! Вашу породу мать! – Она держала в одной руке бутылочку с соской, а в другой – детские сандалики и шорты. – Кому сказала, быстро спать! – и выдала такой набор непечатных выражений, что Марина невольно поежилась.

– Анжела! Радость моя! Что за шум, а драки нет? – Арсен выскочил из машины и обнял женщину за плечи. – Что опять Сая разбил?

– Это я разбила! – завопила женщина. – Банку с соком! Этот маленький паразит разлил на кухне постное масло! Я поскользнулась и … … … … мотала вашу породу!

Виталий вслед за Арсеном вышел из машины. Едкая тирада супруги, казалось, не произвела на него никакого впечатления. Он прижимал к себе сынишку, лукавая мордашка которого просто светилась от счастья.

– Сая, ты чья жизня? – спросил Виталий и, присев на корточки, поставил малыша на землю.

– Папина жизня. – Саид обнял его за шею и расплылся в улыбке, отчего проступили ямочки на щеках. – А маму люблю.

– Любит он! Маленький садист! – проворчала Анжела и подняла ребенка с земли.

Тот мгновенно обхватил ее шею руками и звонко чмокнул в щеку, затем обвел всех хитрым взглядом, прищурился, ну, чисто опытный сердцеед, и прижался головой к груди матери.

Анжела преувеличенно сердито дернула его за вихор.

– Ну, ваша порода! Всех бы, на хрен, перестреляла!

– Ты гостей не распугай, – засмеялся Виталий. – Видишь, из машины боятся выйти.

– Так ты двоих привез? – спросила Анжела и подошла к машине. Окинула скептическим взглядом Сабрину, та уже стояла рядом с Арсеном и пыталась незаметно взбить волосы в пышную копну, затем перевела его на Марину.

– Это вы из Сибири? От Ларисы?

– Да, – ответила Марина. – Как вы угадали?

Анжела едва заметно усмехнулась.

– Я в людях разбираюсь. – И небрежно кивнула на Сабрину: – Это ваша подруга?

– Нет, – наверное, поспешнее, чем следовало, покачала головой Марина. – Сабрина – маленькая ведьма… Ей нужна отдельная комната, желательно с трубой…

– С трубой? – удивилась Анжела, но тут же поняла шутку и прищурилась, чтобы скрыть веселые искорки в глазах. – Будет труба, а вот с метлой проблемы. Арсен сам ее сделал и по утрам у меня двор подметает, на мацони и хачапур зарабатывает!

Она сунула в руки сынишки бутылку:

– Ешь давай! И спать!

Но Саид, прихватив бутылку, направился к Сабрине. Она с растерянным видом озиралась по сторонам, стараясь держаться поближе к Арсену. Или действительно чувствовала себя неуютно, или это было частью ее тактики в борьбе за его сердце…

Марина скривилась от отвращения. Что за фривольные, пошлые мысли? Не хватало уподобиться этой дешевой девке! Она вышла из «Нивы».

Саид бросил на нее быстрый взгляд. Но, видно, Марина не произвела на него впечатления. А вот Сабрина!

Малыш подошел к ней вплотную, окинул взглядом с ног до головы и с восторгом произнес:

– Папа! Смотри, какая телка!

– Сая! – дружно ахнули родители.

Виталий побагровел от неловкости, Анжела рассерженно что-то пробормотала, но Марина могла дать голову на отсечение, что фраза Саида пришлась ей откровенно по душе. В глазах хозяйки заплясали чертики. Она быстро переглянулась с Арсеном, и Марина догадалась, что эти двое отлично поняли

друг друга.

– Кто тебя научил? – строго спросил Виталий.

Саид расплылся в улыбке, развернулся и, прижимая к себе бутылку, деловито направился в калитку.

– Альбина! – закричала Анжела. – Забери Саю и уложи его спать.

Над решеткой забора показалась голова худенькой большеглазой девочки лет десяти.

– Мама, – зачастила она обиженно, – Элана не дает мне обслуживать отдыхающих, а Эрик…

– Альбина, – истошно выкрикнула Анжела, – я тебя убью! Бери Саю – и марш спать!

Голенастое и худющее, загоревшее до черноты создание с поцарапанными руками и ссадинами на коленках, в майке и короткой юбочке, показалось из ворот. Недовольно поджав губы, девочка взяла брата за руку и скрылась во дворе.

– Простите! – обратился Виталий к Сабрине. – Это все Аста, племянник! Иногда подвозит Саида из садика. И сами понимаете…

– Да ладно тебе! – засмеялась Анжела. – Когда это Астик подвозил Саида? Признайся уже, что и сам на телок заглядываешься?

– Какие наши годы! – засмеялся Виталий и перевел взгляд на Арсена. – Что, брат, скучаешь? Сейчас ужинать сядем! Вино пить будем! С девочками близко знакомиться будем!

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, – сказала Анжела. – К сожалению, я рассчитывала только на вас, Марина. Все комнаты у меня заняты отдыхающими, поэтому временно вам придется поселиться вместе.

– Вместе? Как это вместе? – всполошилась Сабрина. – Я не могу вместе. У нее своя личная жизнь, у меня – своя!

– Простите, – твердо сказала Анжела. – У нас тут тоже свои обычаи. Личная жизнь только с мужем или вон там, за воротами. – Она махнула в сторону моря. Оттуда доносилась разухабистая мелодия и писклявый голосок певицы:

Мурка, ты мой муреночек,

Мурка, ты мой котеночек,

Мурка, Маруся Климова,

Прости любимого…

Сабрина недовольно дернула плечиком и направилась к своему чемодану, но Виталий перехватил его у нее, не забыв при этом сумку Марины.

– Девочки, я занесу вещи. – И посмотрел на Арсена: – Загонишь машину в гараж?

– Загоню, – ответил тот односложно и, открыв дверцу «Нивы», бросил косой взгляд в сторону Марины. – В принципе я могу уступить вам свою комнату. Но она стоит дороже. Как это вам, по карману?

– Не стоит беспокоиться, – вежливо ответила она. – Я вовсе не рассчитывала на отдельный номер.

– А я рассчитывала, – капризно надула губы Сабрина. – Надеюсь, вы нам сделаете скидку, если поселите вместе?

– Скидок я не делаю, но могу поселить вас у соседки. – Анжела смерила ее недружелюбным взглядом. – У нее дешевле, и несколько комнат все равно

пустуют. А ты, – она посмотрела на Арсена, – прижми свою задницу. У меня только чердак сейчас свободен. Куда ты там свой компьютер поставишь?

«Компьютер? – удивилась Марина. – Он работает на компьютере? Но при чем тогда уборка двора?»

Она вспомнила слова Сабрины про фирменную майку и шорты. Честно сказать, сначала она не придала им никакого значения. И майка, и шорты на Арсене вполне могли быть с чужого плеча. Правда, ее смущали дорогие очки, а теперь появился еще компьютер… Кроме того, его речь была грамотной, а повадки выдавали, что этот человек знает себе цену… «Успокойся, Мариша! – сказала она себе. – Твоя личная жизнь осталась в прошлом! И этот небритый тип вряд ли способен изменить ее к лучшему…»

– Спасибо, Анжела! Ты очень добрая женщина! – засмеялся Арсен и направился к «Ниве». Забравшись в кабину, он высунулся из окна. – Так нежно заботишься о моей заднице…

Анжела подхватила валявшийся возле ворот веник и замахнулась на него.

– Арсен! Урод! Я тебе сказала: «Проваливай!»

Сабрина, которая с приоткрытым ртом наблюдала за их веселой перепалкой, проводила взглядом тронувшуюся с места машину и перевела его на Анжелу.

– Ладно, я остаюсь! – сказала она с таким видом, словно сделала той величайшее одолжение, и отправилась вслед за Виталием, который успел занести их вещи на открытую веранду первого этажа.

Анжела фыркнула и покосилась на Марину. И та поняла, что хозяйке очень хочется высказаться по поводу этого одолжения.

– Простите, – сказала Марина. – Я – человек без претензий. Я приехала всего на неделю, поэтому, где вам удобно, там и поселите меня.

– Откуда взялась эта бикса? – сквозь зубы спросила Анжела. – Вечно Виталик шлюх находит!

– Мы ехали с ней в одном купе до Адлера. Она сначала собиралась остаться в Сочи, но потом…

– А потом Виталик уговорил ее поехать к нам? – Анжела смерила ее подозрительным взглядом.

– Нет, Виталий здесь ни при чем. На вокзале нас встретил Арсен. И… – Она замялась. – Кажется, Сабрине он очень понравился!

– Арсен? – удивилась Анжела. – Никогда не думала, что он поедет снимать девок. Простите, – смутилась она, – я не вас имела в виду, а эту… потаскушку.

– Он не снимал, – Марина посчитала своим долгом заступиться за Арсена. – Сабрина пристала к нам, как банный лист.

– Понятно, – улыбнулась Анжела. – Только ему не до баб сейчас! Целыми днями от компьютера не отходит.

– А чем он занимается? – осторожно спросила Марина. – Я ведь сначала его за горца приняла! Думала, пастухом работает или…

– Горец, – в голос расхохоталась Анжела. – Ну да, горец! Он каждое утро по горам как коза скачет, а потом мне двор метет и мусор на тачке вывозит. Вместо зарядки!

Она посмотрела в сторону дома. Виталий о чем-то оживленно беседовал с Сабриной.

– Пошли! – сказала Анжела и быстрым шагом направилась к веранде.

Она так и не ответила на вопрос Марины. И та, вздохнув, последовала за ней.

* * *

Комнатка оказалась замечательной – небольшой, уютной и с видом на горы. Сабрина уступила Марине место у окна, а сама устроилась поближе к двери, объяснив, что не выносит сквозняков. Марина не протестовала. Она, наоборот, не терпела духоты и до самых холодов спала с открытым окном.

Сабрина, переодевшись в легкий халатик, умчалась в душ, а Марина села на подоконник и долго смотрела на горные вершины, затянутые густым и курчавым, как шкурка молодого барана, лесом. Редкие облака устроились ночевать на скальных выступах, густые тени затянули ущелья. Свежий ветерок проникал в комнату, шевелил занавеску… Прямо под окнами цвели розы, сновали в темноте светлячки, оглушительно квакали лягушки. Огромное звездное небо раскинуло над землей свой шатер. Молодая луна всходила над садом.Где-то далеко лаяли собаки, едва слышно звучала музыка…

Марина зажмурилась от счастья. Даже в степи с ее терпкими запахами полыни и чабреца, посвистом сусликов по утрам и пением жаворонков она не могла обрести такого безмятежного покоя и ощущения светлой и чистой радости. Очищающим бальзамом тишина растекалась по коже, лаская и одаривая ее теплом, проникала внутрь, наполняя каждую клеточку, каждый сосуд ее тела, которое вдруг стало легким, почти невесомым. Груз прежних забот, тревог и волнений исчез, испарился, растворился в этом бескрайнем мире, где были только море, горы, цветы, эта молодая луна и ветерок, который играл ее волосами и выдувал из сердца боль потерь и горечь поражений…

Она вздохнула. Больше всего на свете Марине хотелось сейчас принять душ и лечь спать, но Сабрина, видно, дорвалась до воды, и ей ничего не оставалось, как переодеться в чистые шорты и пеструю футболку, прихватить полотенце и шампунь и выйти из комнаты.

Широкая крытая терраса огибала дом с двух сторон. Марина подошла к увитым виноградной лозой перилам. Внизу простирался обширный двор, больше похожий на беседку, крышей ей служили виноградные побеги, густо усыпанные еще зелеными гроздьями. Справа и слева виднелись два садика. Здесь вперемешку росли мандариновые и инжировые деревья, раскинули свои ветви хурма и грецкий орех. В тени чинары под пестрым зонтиком разместились столик и четыре кресла, плетенных из лозы. Два из них занимали Виталий и Арсен. Перед ними стояла пластиковая бутылка с домашним вином, несколько стаканов и тарелка с крупно нарезанными огурцами и помидорами. Мужчины резались в нарды и курили.

Арсен переоделся в белоснежную футболку и светлые просторные брюки, отчего его загар и вовсе приобрел цвет шоколада. Виталий был в пестрой гавайской рубахе и в джинсах. Его мокрые волосы курчавились, и он то и дело приглаживал их рукой. Видно, он успел принять душ раньше Сабрины. Арсен снял свою тюбетейку, волосы у него были коротко подстрижены, их пробивала заметная седина. Сначала Марина не поняла, что изменилось в его лице, затем разобралась: Арсен побрился. Без многодневной щетины он выглядел значительно моложе, да и новый наряд придавал ему более цивилизованный вид.

Марина спустилась вниз. Мужчины как по команде повернулись к ней и приподнялись в креслах, приветствуя.

– В душ хочешь? – спросил Виталий, заметив ее полотенце.

– В душе Сабрина, – ответила Марина, – никак не могу дождаться.

Она подошла и села в соседнее с Виталием кресло. Поймала быстрый взгляд Арсена и улыбнулась.

– Вас не узнать, Арсен.

– Вас тоже не узнать, – сказал он. – Отдохнули немного? У здешнего воздуха чудесные свойства. Как бы ни устал, за полчаса полностью приходишь в себя.

– Я уже поняла, что если и есть где-то рай, то он здесь, на земле Абхазии.

– Ты это правильно заметила, – улыбнулся Виталий. – Когда бог раздавал земли разным народам, абхаз опоздал, и земли ему не досталось. «Почему ты не пришел, когда следовало?» – строго спросил его бог. «Прости меня, боже, – покорно склонил свою голову абхаз, – но я встречал и провожал гостя». Бог посмотрел на него, покачал головой и сказал: «Есть у меня земля. Берег ее для себя, но ничего не поделаешь, отдам ее тебе!»

Виталий налил вина в высокий стакан и подал Марине.

– Выпей с нами, пожалуйста. – И поднял свой бокал. – Пусть наша Апсны – Страна души – станет для тебя раем. Пусть люди приходят к нам с миром, а не с оружием в руках. Пусть отдыхают, в море купаются, персики, виноград, мандарины кушают. Тысячи лет здесь все жили в согласии, растили детей, возделывали землю, пили вино, дружили, а не воевали. И абхазы, и греки, и грузины, и армяне, и русские. Под одним солнцем жили, под одним небом. Ничего никогда не делили. Зачем Шеварднадзе затеял эту войну? Мы никому не желали зла. Мы свою родину защищали. Грузины могли вернуться в свою Грузию. Там их земля, там их предки. А куда нам уходить? Тут наша земля, тут могилы наших предков. Война – это плохо! Это кровь, слезы, ненависть! Так давайте выпьем за мир во всем мире! За хороших друзей выпьем! За тебя, Арсен! За тебя, Марина! Живите, наслаждайтесь, радуйтесь!

– За тебя, Виталик! – поднял свой стакан Арсен. – И за вас, Марина!

Глаза его странно блеснули, а по спине Марины пробежали мурашки. Она вдруг поняла, что эта встреча не случайна. Предчувствия ее не обманули. Этот человек, несомненно, произвел на нее сильное впечатление. Но, может, у него в порядке вещей сводить с ума отдыхающих дамочек? И она совсем не исключение? К тому же все эти дни рядом с ними будет Сабрина – более хваткая и опытная в обращении с мужчинами женщина. Арсену наверняка не составит особого труда найти с ней общий язык. А вот ей, Марине, едва ли удастся преодолеть свои комплексы…

Она вслед за мужчинами выпила красное вино – настоящее сухое вино, терпкое на вкус, но теплое и нежное, словно поцелуй любимого. Арсен не сводил с нее глаз, и она торопливо отвела взгляд от его губ. Не хватало, чтобы он прочитал ее тайные мысли.

– Замечательное вино, – сказала она и улыбнулась Виталию. – Спасибо, но я попробую все-таки поторопить Сабрину. Приму душ, а затем хочу сходить на море. Ночью это не опасно?

– Я вас провожу, – быстро сказал Арсен. – Это абсолютно безопасно, но я вам покажу дорогу. Здесь совсем недалеко, но мы пойдем мимо стройки, а там несложно сбиться с тропы.

– И попасть в объятия питона? – улыбнулась Марина.

– Вай, какие питоны? – махнул рукой Виталий. – Это шутка! Арсен сам страшнее питона! Смотри, осторожнее с ним! Закружит голову, про работу забудет!

– А чем вы занимаетесь? – спросила осторожно Марина.

– Да так… – Арсен неопределенно пожал плечами. – Пишу немного. Статейки кое-какие!

– Арсен о нашей войне книгу пишет, – вклинился Виталий. – Недавно с президентом встречался, с премьер-министром. В Гал ездил, на южную границу. Игорь в Псху на три дня его возил. Это село на северо-востоке Абхазии, высоко в горах. Там тоже пограничники стоят, перевал охраняют. Неделя прошла, как вернулись. – И пояснил: – Игорь – это брат Анжелы. Скоро с ним познакомишься. Сегодня он дома, на Бзыби. Захочешь, он тебя в любой уголок Абхазии свозит на экскурсию. В Новый Афон, в Пицунду, в Сухум или на Рицу, куда твоя душа пожелает.

– Спасибо, я подумаю, – вежливо поблагодарила Марина и посмотрела на Арсена. – Получается, вы журналист?

– Получается, – улыбнулся он. – Вот набрал отгулов за несколько лет и решил написать книгу. Конечно, пока это не книга. Так, разрозненные статьи… Но, может, кое-что и получится. В России до сих пор почти ничего не знают о самой войне, а ведь абхазы называют ее Отечественной, и о том, что происходит в современной Абхазии.

– Честно сказать, я тоже ничего не знаю, но после ваших рассказов захотелось узнать больше и побывать везде, где вы посоветуете.

– Это обязательно! – Виталий снова вознамерился подлить ей вина.

Но Марина закрыла свой стакан ладонь.

– Простите, но пока достаточно! У меня уже зашумело в голове.

– О, это только начало! – улыбнулся Арсен. – Сейчас Анжела уложит Саида, и будем ужинать. М-м-м! – Он покачал головой. – Катя такие хачапуры

приготовила! Пальчики оближешь! – И пояснил. – Катя – жена Игоря. Помогает Анжеле в домашнем кафе.

– Здесь есть кафе? – обрадовалась Марина. – Значит, мне не придется рыскать по городу, чтобы пообедать?

– Катя отлично готовит. Солянки у нее получаются – пальчики оближешь, а борщи, а окрошка! А пирожные! Я так нигде не питался! – Арсен похлопал себя по плоскому животу. – Приходится каждое утро бегать по пересеченной местности, чтобы лишний жирок не завязался. Видите, – вытянул он руку в сторону мерцавшей далеко на горе узкой полоски огней. – Это смотровая площадка. Оттуда всю Гагру видно и ее окрестности. Пока до площадки добежишь, коньки отбросишь. Я до ближней горки бегаю. Пять километров – туда, пять – обратно.

– О! Это круто! – изумилась Марина. – В гору бегом! Я на такое не способна.

– А вы попробуйте, на первых порах хотя бы шагом, а на обратном пути сразу в море! Лет десять сбросите, я вам обещаю. – И смутился, поняв, что допустил бестактность. – Я имел в виду, что вы забудете и о своей усталости, и о проблемах, если они у вас имеются.

– Хорошо бы, – улыбнулась Марина. Сегодня она, пожалуй, перевыполнила план по улыбкам. Но что поделаешь, если губы сами растягивались в улыбке, а на душе было так легко и спокойно, как отродясь не бывало в ее жизни.

– А вы чем занимаетесь? – спросил Арсен.

– Я? – переспросила она. – Тоже историей. Но более древней. Очень древней. Копаюсь много лет в земле, ищу следы былых цивилизаций. Сейчас – на юге Сибири, в молодости – на юге России. Скифы, гунны, динлины, монголы, кыргызы… Работы хватает!

– Так вы археолог? – В глазах Арсена вспыхнула искра неподдельного интереса. – Всю жизнь мечтаю побывать на археологических раскопках.

– Побываете, какие ваши годы. Будет интересно – приезжайте! – Марина поднялась из кресла. – Пойду посмотрю, может, Сабрина освободила душ.

– А ты в летнем душе помойся, – предложил Виталий. – Там вода чуть прохладнее, чем в ванной, но за день очень хорошо прогревается. Это лучше, чем в жаре париться. Вон, смотри! В этом году соорудили. Очень красиво получилось, как в Европе. – И он махнул рукой в направлении кирпичной постройки, которая пряталась среди мандариновых деревьев.

– Отлично! – обрадовалась Марина и поднялась из кресла. – Что же раньше не сказали? Столько времени зря потратила.

– Чего же зря? – удивился Виталий. – Познакомились, разговоры приятные вели, вино пили, разве это плохо?

– Извините, – смутилась Марина, – я не то имела в виду. Вы тут в нарды играли, а я, наверное, вам помешала.

– Бросьте, Марина, – нахмурился Арсен, – ничего вы не помешали. – Он поднялся следом за ней из кресла. – Так мы пойдем с вами на море после ужина? Или уже раздумали?

– Ничего я не раздумала, – сказала она, хотя с трудом выдержала его взгляд. Сердце ее испуганно забилось и заныло сладко-сладко, совсем как у той девчонки, которую первый раз пригласили на свидание. Но она тут же одернула себя. Какое, простите, свидание? Просто очередной приступ вежливости со стороны Арсена. Марина смерила его взглядом. Тем самым, своим коронным холодным и слегка надменным, которым отпугивала слишком назойливых кавалеров. Отчасти из-за неумения противостоять их наглости, отчасти из-за боязни показаться слишком доступной.

Арсен не сводил с нее глаз. Похоже, ее уловки не произвели на него никакого впечатления. Правда, взгляд его стал жестче.

– Ну, я жду вашего решения. Мы идем вместе на море или как?

– Идем! – просто сказала она. Сегодня она беспрекословно приняла предложение мужчины, чего с ней отродясь не случалось. Но ее уступка выглядела вполне закономерной, ведь она на самом деле никогда не бывала на море ночью, тем более в одиночку. И если нашелся попутчик, почему бы не составить ему компанию?

– Заметано! – Арсен с довольным видом потер ладони. – Только не забудьте надеть купальник!

– Мы будем купаться? Ночью? – изумилась Марина.

– А это как масть пойдет! Только ночью море спокойное, вода теплее, чем днем, и пляж пустой! Купайся, не хочу. Хоть голышом, хоть в купальнике.

– Только не голышом! – нахмурилась Марина. – До такой глупости я еще не дошла!

– Ой, кто тут собрался купаться голышом? – Сабрина появилась из темноты с неизменной улыбкой на лице. Голова ее была обмотана полотенцем, халат застегнут на две верхние пуговицы, и полы его при ходьбе расходились, являя свету крохотные, едва заметные на теле трусики. – О, здесь пьют вино? – Она с веселым изумлением оглядела стол. – И без меня?

– Застегнитесь! – строго сказал Арсен. – Соблюдайте здешние обычаи. Да и мне лично неприятно созерцать чужое нижнее белье.

Удивительное дело, но Сабрина покраснела. Глаза ее сердито блеснули, и она быстро застегнула халат.

– Простите. – Она с деланым смущением посмотрела на Виталия. – Не заметила, что халат расстегнулся. Но я не знала, что у вас такие строгие порядки.

– У нас нормальные порядки, – ответил тот без прежней улыбки, – и мы понимаем, что люди приехали к нам отдыхать. Но ты же в своем городе не пойдешь на базар в купальнике и в магазин зайдешь одетой? Почему же здесь ходишь почти голой? Да еще садишься за стол.

– Ой, да ладно! – Сабрина надула губы. – Набросились на бедную девочку, противные! В следующий раз непременно спущусь на ужин в паранджe и в шароварах.

– Зачем же в паранджe? – ухмыльнулся Арсен. – Этот халатик очень даже вам идет! Только парни здесь горячие, загораются мгновенно! Лучше не надо их провоцировать! И себе отпуск испортите, и им лишние неприятности.

Марина не слышала, что именно ответила Сабрина, но мужчины громко захохотали.

«Пустоголовые самцы!» – подумала она с раздражением и вошла в летний душ.

Глава 4

Они шли сквозь темноту к морю. Слева остались мрачные остовы гостиниц, справа сквозь густые заросли кустарника и листву деревьев пробивались иногда слабые лучи света. Выложенная светлым галечником дорожка вилась среди густой травы. Над головой рассыпались мириады звезд. Крупные, яркие, глазастые, они, казалось, весело им подмигивали, а Млечный Путь протянулся от гор до самого моря. Небо на западе было чуть светлее: всходила луна, освещая снизу редкие облака. Звонко трещали цикады, глухо квакали лягушки… Заглядевшись на небо, Марина пару раз споткнулась, а в третий – ушибла палец и непроизвольно охнула от боли.

– Дайте уже вашу руку, – недовольно сказал Арсен. – Что вы все время прыгаете от меня? Я вас не покусаю!

Он взял ее за руку. И Марина снова подумала, какие у него сильные пальцы. Теперь они шли рядом. И она изо всех сил старалась не выдать свое волнение. Но оно все равно прорывалось. Пальцы ее подрагивали, и Арсен, видно, заметил это, потому что стиснул ее ладонь.

– Вы чего-то боитесь? – спросил он едва слышно. – Или замерзли?

– Нет, я не боюсь, – тоже прошептала она. – Просто… Просто я сама не знаю… Как-то тревожно…

Внезапно он притянул ее к себе и поцеловал в губы. Марина задохнулась от неожиданности и, покачнувшись, едва не упала. Голова у нее закружилась, и она непроизвольно ухватилась за его плечи.

– Что с вами? – Арсен оторвался от ее губ, но продолжал прижимать к себе.

Марина уперлась в его грудь руками.

– Отпусти! – в панике выкрикнула она. – Как ты смеешь?

– Простите, – сказал он и разжал руки. – Мне показалось, что вам этого тоже хотелось!

– Это что, гуманитарная помощь? – разозлилась она. – Мне хотелось прогуляться на море. Ты вызвался проводить меня. О дополнительных услугах мы не договаривались!

Арсен тихо засмеялся:

– Мы перешли на «ты»? Обычно это происходит после более тесного контакта.

– Простите, – исправилась Марина, – но вы перепутали меня с Сабриной. По-моему, она в любой момент готова перейти к тесным контактам! Может, вам следует вернуться?

– Ну, насчет вернуться вы переборщили. – Тон его мгновенно изменился. – Я провожу вас до моря, потому что обещал проводить. А сейчас пойдемте, неприступная женщина.

Арсен взял ее за руку, и они снова пошли по дорожке, которая вскоре превратилась в торную тропу. Тут и там ее пересекали толстые корни деревьев. Марина все свое внимание сосредоточила на этих препятствиях, стараясь забыть о поцелуе Арсена, и все же раз за разом мысленно к нему возвращалась. И чего она занервничала? Честно сказать, поцелуя как такового и не было. Он просто

коснулся ее губ своими губами. Горячими и мягкими губами. Но даже это вполне невинное касание привело ее в небывалое смятение, словно она целовалась впервые в жизни.

Марина маялась и переживала, но Арсен словно потерял к ней всякий интерес. Прошло, наверное, минут пять, а он не проронил ни единого слова. Иногда он, похоже, непроизвольно прижимал ее руку к своему бедру. У Марины мгновенно пересыхало в горле, и она забывала, что должна смотреть себе под ноги. Колени у нее подгибались, и, честно сказать, ей очень хотелось, чтобы Арсен оказался чуть-чуть настойчивее и повторил свою попытку. Но он откровенно на нее рассердился. Хотя на что он рассчитывал? Ведь она однозначно не давала ему повода подумать о себе как о легкомысленной особе – искательнице приключений. И даже сопротивлялась проявлениям интереса с его стороны. Или на него тоже повлияла эта ночь с ее одуряющими запахами, звоном цикад, танцами светлячков и шелестом листвы под легкими порывами ветерка, который так приятно холодил кожу, играл ее волосами и доносил едва слышные звуки музыки с побережья?

Тропинка перешла в асфальтированную дорогу. Там, где она кончалась, небо было светлее, и казалось, что дорога уходит в поднебесье. Они миновали несколько летних кафе. В воздухе витали слабые запахи дыма и жареного мяса. Но мангалы уже остыли, а кафе опустели. Теперь она поняла, почему Арсен предложил проводить ее до моря. Темнота, отсутствие людей, дикие заросли – нужно быть абсолютной дурой, чтобы отправиться сюда ночью, да еще в одиночку.

Она замедлила шаг. Арсен тотчас остановился.

– Не бойтесь. – Он усмехнулся. – Здесь безопасно! Гораздо безопаснее, чем в вашем родном городе. Неприятно, что темно, но только первый раз. Вообще-то тут просто идеальное место для влюбленных.

– Может, мы вернемся? – Марина с опаской огляделась по сторонам. – Что-то мне расхотелось идти на море.

– А я от своих слов не отступаю. Я что, зря потратил время? До моря пара минут ходьбы. Я хочу искупаться. А вы?

– Ну хорошо! – согласилась она. – Но сначала давайте просто прогуляемся по пляжу. Я должна собраться с духом! И привыкнуть…

– К чему привыкнуть? – спросил он и снова приблизился к ней на опасное расстояние. Пальцы Арсена коснулись ее щеки. Она вздрогнула и отвела его ладонь от своего лица.

– Не надо! – сказала Марина тихо, но решительно. – Это ничего не значит, что я согласилась пойти с вами на море. Я совсем не жажду закрутить с вами роман.

Арсен засмеялся, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Они стояли посреди дороги друг против друга. Море было в пяти шагах. Марина слышала, как наползают на берег волны и с тихим шуршанием откатываются назад. Но, возможно, она ошибалась, и это шелестела листва на деревьях, росших за ее спиной.

Внезапно они услышали смех. Со стороны моря показалась влюбленная парочка. Девушка была в купальнике, мужчина – с голым торсом, босиком и в шортах, с болтавшимся на шее полотенцем. В одной руке он держал пластиковую бутылку с остатками вина и пеструю пляжную сумку, другой – обнимал девушку за плечи.

– Братцы, как вода? – спросил Арсен, когда парочка поравнялась с ними.

– Вода – прелесть! – отозвалась девушка. – Теплее, чем днем!

– И на пляже – никого! – весело добавил мужчина. – Никто вам не помешает. Мы там оставили лежак. Пользуйтесь на здоровье!

– Лежак? Зачем нам лежак? Мы не собираемся загорать ночью! – сказала Марина, может быть, резче, чем полагалось. И очень на себя рассердилась, потому что выдала свой испуг. Понятно же, чем эта парочка занималась на пляже.

– Там же галька, – засмеялась девушка. – Без лежака очень неудобно.

– Ладно, Танюша, пошли уже!

Мужчина притянул девушку к себе и поцеловал в губы. Та что-то простонала и обхватила его шею руками. Они принялись неистово целоваться, причем парень вытянул руку с пластиковой бутылкой и махнул ею в сторону моря, мол, идите уже скорее и не пяльтесь на нас.

– Пошли, пошли. – Арсен взял Марину за руку и потянул за собой. Когда они удалились от парочки на приличное расстояние, посмотрел на Марину и хитро прищурился. – Вот разумные люди! Не теряют ни одной минуты!

Марина промолчала. Спорить было бесполезно, но все же эта встреча на пустой дороге заставила ее иначе взглянуть на окружавший их мир. Все вокруг было пропитано негой и любовью. Страстно кричали лягушки, сливались в сладком экстазе светлячки и ночные бабочки, возбужденно трещали цикады, и даже ткавший свои сети паук корчился от блаженных предчувствий. В соседней паутине он заметил симпатичную паучиху, с которой надеялся провести время с пользой для обоих.

Они миновали летнее кафе, в глубинах которого еще горел свет и слышалось звяканье посуды. На крохотной эстраде мигала огоньками аппаратура. А два длинноволосых парня – Марина не сразу их разглядела – сидели рядом на бетонном полу, курили и пили пиво.

– Практически в каждом кафе – живая музыка, – сказал Арсен. – Этих парней я знаю. Приезжают сюда второй год из Москвы. Учатся в консерватории, оба прекрасные музыканты. Здесь зарабатывают себе на учебу. Но этому кафе повезло, в других – обычные ресторанные певцы и певички. Если вы хотите отведать национальную кухню, советую сходить в «Апацху». В таких пацхах – домиках на высоких столбах с открытой верандой – раньше жили абхазы. Стены у них плели из орешника.

– А в кафе Анжелы разве не готовят национальные блюда?

– Готовят, если закажете, но большинство отдыхающих предпочитают привычную пищу.

– А… – Марина открыла рот и тут же закрыла, забыв, что же хотела спросить у Арсена.

Она увидела море. Неширокий галечный пляж отделял их от линии прибоя. В свете луны, холодном и мертвенно-бледном, море казалось жемчужным. Зыбкая световая дорожка началась прямо у самых ног, когда, забыв об Арсене, Марина почти бегом миновала пляж. Она разулась и вошла в воду по щиколотки.

– Прекрасно! – воскликнула она. – Изумительно! Вода такая теплая!

Справа и слева волны разбивались о бетонные волнорезы. Из-за этого, наверное, они, уже обессиленные, выползали на берег и откатывались назад с тихим змеиным шипением, унося за собой песок и мелкий галечник.

– Вот видите, а вы хотели вернуться! – удовлетворенно сказал Арсен за ее спиной. – Раздевайтесь, будем купаться!

– Ой, а я забыла полотенце! – Марина повернулась и посмотрела на него. Но лучше бы не делала этого. Арсен уже успел раздеться, и она смутилась от неожиданности. – Простите, я не смогу составить вам компанию.

Он снова засмеялся.

– Ничего! Вытретесь моим. Я как знал, захватил очень большое полотенце.

– Нет, я все-таки посижу пока на берегу, посмотрю на море. – Марина поискала глазами лежак, но не заметила его. Видно, он прятался где-то в тени. Поэтому она опустилась на обломок дерева, который недавно вынесло на берег штормом, и села таким образом, чтобы ее ноги обдавало морской водой.

– Как хотите! – выкрикнул Арсен и, разбежавшись, прыгнул в воду. Несколько мгновений его голова не показывалась на поверхности. Марина обеспокоенно наблюдала за той точкой на море, где Арсен, по ее расчетам, должен был вынырнуть. Но он выплыл гораздо дальше, там, где заканчивались гигантские бетонные блоки волнореза. Вынырнул и поплыл кролем еще дальше, за буйки.

Марина напряженно следила за его перемещениями. Наплававшись вволю, Арсен перевернулся на спину и некоторое время лежал без движения, похоже, вглядывался в звездное небо. Свет луны забивал сияние звезд, и все же она нашла Большую Медведицу и следом Маленькую. Но когда снова перевела

взгляд на море, то не обнаружила на поверхности головы Арсена. Сердце ее мгновенно ухнуло куда-то в область желудка, но тут она заметила, что он подплывает к плите волнореза. Арсен забрался на плиту, выпрямился во весь рот и помахал ей рукой.

– Раздевайтесь, черт побери! И плывите ко мне!

Она послушно сняла шорты и майку и вошла в воду. С непривычки она то и дело теряла равновесие на скользких булыжниках, усеявших дно, и нелепо взмахивала руками, чтобы устоять на ногах, когда очередная волна налетала на нее. Здесь, на мелководье, они не казались такими безобидными, как с берега, но стоило ей войти в море по грудь, волны принялись ее раскачивать, она подпрыгнула, чтобы очередной вал не накрыл ее с головой, и «щучкой» вошла в воду. Вынырнула и поплыла к волнорезу. Арсен подал ей руку, и она в мгновение ока оказалась рядом с ним. На секунду только он прижал ее к себе, но Марина вывернулась и отошла в сторону. Встряхнув головой, поправила мокрые волосы и провела руками по телу, сгоняя излишки воды. Набегавшие на бетон волны с шумом разбивались у ног, обдавая их брызгами.

– Тело ее, подобно свежему сыру, было тугим и белым. И любой человек, сдержанный в чувствах и с большим самообладанием, приходил в замешательство, если в глаза ему вдруг бросалась хотя бы частичка ее оголенного тела, – нараспев произнес Арсен и приблизился к ней вплотную. Взял ее за руки и заглянул в глаза, продолжая шептать: – Белая кожа Сатаней-Гуаши была такой ослепительно яркой, что отражение блеска ее, падавшее на море и от моря на горы, часто сбивало корабли с верного направления. И немало мореходов погибло именно по этой причине. Обломки кораблей находят и до сего дня на берегу нашего моря…

– Что это? – тоже шепотом спросила она. – Кто это Сатаней-Гуаша?

– Это ты – Сатаней-Гуаша, – сказал он и притянул ее голову к своей груди. – И, кажется, у меня, как у тех мореходов, снесло крышу. Ты ведь не хочешь, чтобы мои обломки завтра утром валялись на берегу?

Его губы коснулись ее виска, скользнули по щеке и шее к ключице, а руки легли на талию.

– Послушай, – сказал он, – мы с тобой взрослые люди. У нас в запасе всего несколько дней. Что нам мешает провести их вместе? Ты переберешься ко мне в комнату. Я договорюсь с Виталием и Анжелой. Они поймут…

Арсен еще сильнее прижал Марину к себе, а горячие ладони легли на ее бедра. Задыхаясь от возбуждения, он прихватил зубами мочку ее уха.

– Мариша, – простонал он, – не дури…

– Что вы себе позволяете? – в панике закричала она, пытаясь изо всех сил вырваться, но его рука уже нашла застежку на ее спине. Арсен обхватил ее одной рукой за талию, второй потянул с нее бюстгальтер. Марина ощутила его ладонь на обнаженной груди и почувствовала, что ей не хватает воздуха. Колени ее подогнулись, и она с ужасом поняла, что уже не может сопротивляться. Вернее, не хочет…

– Арсен! – закричала она. – Отпустите меня! Мы же договорились… Я думала, вы интеллигентный человек!

– Дурочка, – прошептал он, задыхаясь, – не бойся! Ты когда-нибудь занималась любовью на волнорезе?

– Идиот! Маньяк чокнутый! – Она согнула колено, а затем резко выпрямила ногу. Удар был не слишком сильным, но болезненным.

Арсен отшатнулся от нее, согнулся и, оступившись, свалился в море. Недолго думая, она прыгнула в налетевшую волну и подхватила его под мышки.

– Отпусти меня! – крикнул он, но новая волна накрыла их с головой.

– Черта с два! – крикнула она в ответ, отплевываясь, потому что успела хлебнуть морской воды. – Я тебя покалечила, я тебя и спасу!

– Оставь меня, – уже заорал он. – Смотри, волна поднялась!

Действительно, только сейчас Марина поняла, что и впрямь волнение на море усилилось. Валы стали выше, и уже не лизали, а с грохотом и злобой бросались

на берег.

– Плыви рядом! – крикнул Арсен. – Не отставай, а то унесет в море.

До берега было совсем ничего, но взлетавшие, казалось, под самое небо волны то и дело заслоняли его. К тому же луну закрыли невесть откуда взявшиеся тучи. Марина изо всех сил работала руками и ногами и, хотя всегда считала себя хорошей пловчихой, вдруг поняла, что не доплывет. И тут она взлетела на гребень волны, и та понесла ее к берегу. Она ощутила дно под ногами. Черное пятно берега виднелось совсем близко, но, хотя Марина достигла мелководья, набегавшие волны то и дело сбивали ее с ног и наконец опять потащили в море. Впервые она ощутила себя абсолютно беспомощной. Голова Арсена виднелась справа, он что-то кричал ей, но из-за грохота волн она не понимала ни слова. Наконец он подплыл вплотную, опять что-то выкрикнул и неожиданно схватил ее за волосы. Марина закричала от боли и испуга одновременно. Ей показалось, что он хочет утопить ее. Она забарахталась, забила руками и ногами по воде, стараясь освободиться.

– Дура, – рядом с собой она увидела его разъяренное лицо, – заткнись! По-другому тебе не выплыть!

Марина перестала сопротивляться. Через несколько минут они снова выбрались на мелководье. Арсен подхватил ее на руки и бегом направился к берегу. Пару раз волна накрыла их с головой, поддала Арсену под колени. Он едва устоял, но, оказавшись на берегу, тяжело повалился на галечник рядом с Мариной.

– Уф! – выдохнул он и сплюнул на гальку. – А ты тяжеленькая!

– С-спасибо! – с трудом вымолвила она. У нее зуб на зуб не попадал, то ли от страха, то ли от холода.

Марина обхватила плечи руками и подтянула колени к подбородку. Только сейчас она вспомнила, что верхняя часть купальника у нее отсутствует.

– Из спасибо шубу не сошьешь! – Арсен легко вскочил на ноги.

Она снизу вверх посмотрела на него.

– Дай, п-п-пожалуйст-т-та, п-полот-т-тенце, – простучала она зубами.

– Потерпи секунду!

Он отошел в сторону и отсутствовал, как ей показалось, целую вечность. Наконец на ее плечи легло мягкое полотенце. Марина с облегчением закуталась в него. И только теперь заметила, что Арсен успел одеться. Он подал ей шорты, майку и шлепанцы.

– Извини, – сказал он и опустился рядом. – Пришлось искать наши вещи. Мы выплыли чуть дальше.

– Отвернись, п-пожалуйста, – тихо попросила она. – Мне нужно переодеться.

– Возьми, – он протянул ей мокрый комочек материи. – Я его выжал… – И отвернулся.

С изумлением она узнала свой лифчик.

– Но как? Как он у тебя оказался? – Она торопливо схватила бюстгальтер и затолкала его в пакет, затем так же быстро натянула на себя футболку и, вскочив на ноги, шорты.

– Ты забыла, как он у меня оказался? – проворчал он, не поворачивая головы. – Если бы я его потерял, ты бы сочла это за грабеж…

– Да ладно тебе, – устало сказала она. – Все давно забыто! Честно сказать, я бы одна не выплыла.

– Одна бы ты не поплыла на этот чертов волнорез! – Он рывком поднялся на ноги и подал ей руку. – Пошли! И не вырывай руку! С непривычки переломаешь ноги в темноте! А мне как-то не в жилу снова тащить тебя на руках.

– Спасибо за заботу. – Марина закрутила волосы в узел. Они побаливали у корней, но это было все же гораздо лучше, чем до сих пор болтаться в море.

– Сейчас мы зайдем в одно место и выпьем вина. Я не хочу, чтобы ты провалялась весь отпуск с температурой, – сказал Арсен таким тоном, что она сразу поняла – сопротивление бесполезно.

Быстро, почти бегом, они миновали пляж и, поднявшись в горку, на мгновение остановились. Ветер усилился. Волны набирали силу и уже докатывались до того места, где они только что сидели. Весь горизонт заволокло тучами, море отливало ртутью. Усилились запахи, приторные до тошноты. Марина вдохнула воздух полной грудью, но лучше ей не стало. Вдобавок заломило в висках, возможно, из-за того, что она наглоталась морской воды, но скорее всего, что переборщила с вином и солянкой. За ужином она выпила три или четыре приличных бокала вина и незаметно управилась с огромной порцией солянки, очень ароматной и вкусной. Впрочем, все блюда были острыми: и омлет с помидорами, и фаршированные перцы, и фасоль… Анжела весь стол в своем небольшом, но уютном кафе заставила закусками и блюдами с горячим.

– Все за мой счет! – весело провозгласила она.

Марина с ужасом оглядела это изобилие. Обычно на ужин она съедала пару сосисок или вообще обходилась кефиром или йогуртом. А тут! Причем, когда она попыталась возразить, на нее с истинно кавказским темпераментом набросились и хозяева, и отдыхающие, которых она почти не запомнила ни в лицо, ни по именам.

Одно ее успокоило, что за столом и та, и другая сторона общались по-свойски. Виталий взял на себя роль тамады. Длинные тосты провозглашались один за другим почти без остановки. Краем глаза Марина заметила, что Сабрина, которая, как ни билась, не сумела занять место рядом с Арсеном, уже завладела вниманием высокого крепкого парня с выцветшими от солнца волосами и татуировкой на правом предплечье. Парень чуть ли не пускал слюни в низкое декольте Сабрины, а она прижималась к нему плечиком, терлась носиком о его татуировку, но по взглядам, которые она бросала на Арсена, Марина поняла, что весь спектакль предназначен для него одного.

Арсен же сидел рядом с Анжелой и весь ужин весело пикировался с ней. Ему вторил Виталий, у которого оказалось поразительное чувство юмора. Сдобренное легким кавказским акцентом, оно придавало особый шарм его шуткам в адрес гостей и собственной супруги. Марина сначала стеснялась незнакомой компании. Но к концу ужина, когда вино ударило в голову, она

почувствовала, что ей уже все нипочем. Теперь ей было наплевать и на взгляды Сабрины в сторону Арсена, и на его почти панибратские отношения с Анжелой, и на шуточки Виталия, которые никого не щадили в этой компании, и на ногу сидевшего рядом упитанного соседа. По странной случайности с каждым выпитым бокалом его бедро все сильнее и сильнее прижималось к ее бедру. В итоге рука соседа скользнула на ее колено.

Она с отвращением сбросила ее и двинула локтем его в бок. Затем резко поднялась из-за стола и тотчас поймала взгляд Арсена. Он настороженно уставился на нее.

– Извините, – Марина посмотрела на Анжелу, – позвольте покинуть вас. Что-то я устала с дороги.

– Еще вина? – Виталий поднялся следом. – Последний бокал! Не обижай хозяина.

Она беспомощно огляделась по сторонам и снова поймала взгляд Арсена. Он улыбнулся ей одними глазами и едва заметно кивнул головой, дескать, нельзя отказываться. Марина залпом выпила вино и смущенно развела руками.

– Прощу прощения, но всем спокойной ночи!

Сосед удержал ее за руку как ни в чем не бывало, улыбнулся и многозначительно посмотрел ей в глаза.

– Мариночка! Вас проводить завтра на пляж?

– Спасибо! – Она мило ему улыбнулась. – Я уже взрослая тетенька, не заблужусь, – и вышла из-за стола.

Арсен догнал ее у лестницы, ведущей на второй этаж.

– Вы раздумали идти на море? – нахмурившись, спросил он.

– В принципе не раздумала, – ответила она, – но мне показалось, что вам не хочется покидать эту теплую компанию.

– Я выполняю свои обещания, – сухо ответил он. – Идите переодевайтесь. Я буду ждать вас за воротами через десять минут.

И направился в свою «VIP-келью», как называла его комнату Анжела. Это была отдельная комната, расположенная над кухней. Терраса перед ней расширялась, образуя квадратную площадку, на которой под тенистой, усыпанной желтыми плодами алычой стояли точно такие же, как в саду, плетенные из лозы столик и кресло. На кресле лежала соломенная шляпа, а на столе – растрепанная стопка прочитанных газет.

Арсен открыл дверь и вошел в комнату. На мгновение мелькнул и исчез светящийся экран телевизора. Марина хмыкнула. Помимо телевизора, в комнате имелся еще кондиционер. Выходит, Арсену по карману такой сервис. Что ж, если он здесь живет достаточно долго, да вдобавок работает над книгой, эти затраты вполне объяснимы…

Она споткнулась, и ворчливый голос Арсена мигом вернул ее из воспоминаний в реальность.

– Осторожнее, – сказал он и сильнее сжал ее ладонь. – Мы уже почти пришли.

Только теперь она поняла, что ее тошнота прошла, а они стоят перед высоким забором, сплошь затянутым неизвестным ей растением с плотными жесткими листьями. Она сорвала один и растерла его между пальцев. И, ощутив знакомый запах, удивилась:

– Лавровый лист?

– Здесь этого добра как грязи! – недружелюбно отозвался Арсен и распахнул калитку. – Проходите!

Залаяла собака, и Марина замедлила шаг.

– Не бойтесь! – Арсен потянул ее за руку. – У Барри почти не осталось зубов, как и у его хозяина.

Навстречу им выскочил рослый доберман, поднял голову, принюхиваясь, затем бросился со всех ног к Арсену и затанцевал перед ним, радостно взлаивая и норовя броситься лапами ему на грудь.

– Отвали, отвали, Барри, старое ты корыто! – Арсен потрепал пса за холку и оттолкнул его с дороги. – Иди, не пугай гостью!

Они направились к видневшемуся в глубине двора дому. В одном из окон на первом этаже горел свет.

– Не спит старый шкипер! – весело сказал Арсен и пояснил: – Когда-то на его древней фелюге мы вдоволь ловили кефаль и барабульку и доходили пару раз почти до границы с Турцией. Тогда мне было двадцать лет, ему лет пятьдесят, но нам море было по колено. Однажды за нами погнался пограничный катер, но мы ушли. Не верите? Честное слово, ушли!

Марина пожала плечами. Она очень слабо представляла, что это за судно такое – фелюга. Тем более ей ничего не было известно о ее ходовых качествах.

Арсен ухмыльнулся:

– Ладно, раскрою секрет. Просто Еснат знал одну хитрую банку. Погранцы на всей скорости сели на мель, а мы благополучно скрылись. – Он искоса посмотрел на Марину. – Сейчас познакомлю вас со старым пиратом. – И крикнул: – Еснат, дырявая калоша! Жив еще, курилка?

От крыльца раздался хриплый кашель, и над их головой среди виноградной лозы вспыхнула лампочка.

– Ора, Арсен? Твою мать! – Из темноты возник высокий белый как лунь старик с сигаретой в зубах. Он опирался на бамбуковую трость и, прищурившись, вглядывался в их лица.

– Совсем, что ли, нюх потерял, Еснат? – Арсен обнял старика и похлопал его по спине. – Не спишь, добро караулишь?

– Какое добро? – Старик отстранился и ткнул его кулаком в плечо. – В такую погоду хозяин из дома дохлую кошку не выбросит. Вот сидел потихоньку, чачу пил помаленьку, футбол по телевизору смотрел. Тьфу, – он сплюнул в траву, – таких футболистов кастрировать надо. Ни одного мяча не забили, а три пропустили. – Он перевел взгляд на Марину, затем вопросительно посмотрел на Арсена: – Жена твоя или подружка?

– Ни то ни другое, – засмеялся Арсен. – Это Марина. Из Сибири. Приехала отдыхать к Анжеле.

– Из Сибири? – Старик окинул ее внимательным взглядом из-под лохматых седых бровей. – В Сибири красивые женщины!

– Это я и без тебя заметил! – снова засмеялся Арсен и подхватил Марину под локоть. – Веди нас, отшельник, любимец богов, в дом. Надеюсь, для нас найдется по стаканчику чачи?

– И чача есть, и сыр свежий, еще горячий. Вечером коптил. И мамалыга, и лобио… – Еснат улыбнулся и кивнул Марине: – Заходи красавица. Вижу, замерзла совсем!

И они направились к дому. На ее плечи упала одна капля, затем другая.

– Быстрее! – крикнул Арсен.

И они припустили к крыльцу. Когда они взлетели по ступенькам, дождь уже вовсю барабанил по виноградным листьям, по траве и бетонным плитам дорожки.

– Успели! – с облегчением сказал Арсен и вдруг весело подмигнул Марине: – Видишь, от меня просто так не ускользнешь!

– Маньяк! – прошептала она, но без прежней злости. И подумала: «А, будь что будет!»

Глава 5

Марина проснулась от громких криков петухов и с недоумением огляделась по сторонам. Она лежала на широкой кровати в большой спальне, где из мебели были только старый одежный шкаф с отвалившейся дверцей и не менее древний комод с потемневшим зеркалом в старинной раме. Рядом с ним тикал столь же древний будильник. Видно было, что в комнате давно не делали ремонт: обои на стенах пожелтели, потолок шелушился, но постельное белье было новеньким, подушка – мягкой, а плед, которым кто-то укрыл ее, теплым и пушистым.

В окно с отдернутой занавеской осторожно прокрался серенький рассвет. Петух под окном голосил не переставая. Марина отбросила плед и обнаружила, что спит почти обнаженной: шорты и майка лежали рядом на стуле. Она села и потерла виски, стараясь вспомнить, как оказалась в этой спальне. Нет, она, конечно, не забыла, при каких обстоятельствах попала в дом Есната. И наверняка это была его спальня, потому что проливной дождь не позволял им высунуть нос дальше его веранды.

Старик явно обрадовался их появлению, хотя шел уже третий час ночи. Он быстро собрал на стол: горный сыр, копченое мясо, поджарил яичницу с аджикой. Марина в это время нарезала огурцы и помидоры для салата. Арсену тоже нашлось дело: Еснат послал его в погреб за вином и чачей.

Марина попробовала отказаться от выпивки, тем более она кое-что слышала о свойствах абхазской чачи, способной сбить с ног даже чемпиона мира по борьбе в тяжелом весе, что тогда говорить о ней, чей вес едва дотягивал до шестидесяти килограммов…

Но старик нахмурился, когда она отставила стопку с прозрачной, как слеза, жидкостью, а Арсен молча взял ее и всунул в ладонь Марины.

– Пей! – приказал он. – Утром даже голова болеть не будет!

Марина залпом выпила водку. Глаза ее полезли на лоб. Она задохнулась от неожиданности, замахала рукой, стараясь унять пожар во рту. Арсен, довольно улыбаясь, протянул ей кусок лаваша, на котором лежал ломоть сыра и рядом – приличных размеров кусок копченого мяса. Странное дело, но она управилась с

этим «бутербродом» в мгновение ока.

– Чача у меня – знатная! – с довольным видом сказал Еснат, наблюдая, с какой скоростью его ночные гости сметают со стола нехитрое угощение. – Градусов шестьдесят, а то и все семьдесят!

Марина едва не подавилась, услышав про семьдесят градусов, но подумала, что хозяин шутит. Она абсолютно не опьянела, да и Арсен выглядел трезвее праведника во время поста. Просто на душе у нее потеплело, и она уже не смотрела на Арсена с опаской, да и происшествие на волнорезе казалось ей далеким, нереальным и пустяковым.

Старик налил по второй. Они дружно выпили. У Марины стало еще теплее на душе, и, когда Арсен обнял ее за плечи, она чуть не опустила голову ему на плечо, но вовремя одумалась, заметив пристальный взгляд Есната.

– Скажи наконец, кто такая Сатаней-Гуаша? – спросила она жалобно, когда старик вышел из-за стола, чтобы поджарить новую порцию яичницы.

– Тебе это имя не дает покоя? – спросил Арсен и засмеялся. – Сатаней-Гуаша – мать сотни богатырей-нартов – героев абхазского эпоса. А процитировал я отрывок из небольшой книги, которую недавно обнаружил у наших хозяев. Хочешь – дам почитать. Ты историк, тебе должно быть интересно! Называется она «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев». Сасрыква – младший из них. Сатаней-Гуаша вырубила его из камня, закалила огнем и железом, дала неразлучного друга – коня Бзоу. Сасрыква, естественно, совершает массу подвигов. С тебя достаточно?

– Достаточно, – кивнула она. – Одного не пойму, с чего вдруг Сатаней-Гуаша? Я отнюдь не многодетная мать. У меня только дочь, и ни одного сына.

– Ты замужем? – быстро спросил Арсен.

– Нет, – вздохнула она. – Много лет назад погиб на раскопках мой муж. Вместе мы закончили исторический факультет МГУ и поехали работать в Сибирь… – Она помолчала долю секунды и тихо добавила: – Я его очень любила…

– И что же, собираешься вечно хранить ему верность? – Глаза Арсена зло блеснули. – Или у тебя кто-то есть?

– Нет у меня никого, – тоже разозлилась она и движением плеча попыталась сбросить его руку. Но неудачно. Арсен еще теснее прижал ее к себе, и она смирилась, лишь с хмурым видом сообщила: – Был один… художник, но мы давно с ним расстались…

– И в чем тогда проблема? – требовательно спросил Арсен и, развернув ее к себе лицом, пристально посмотрел Марине в глаза. – Не сопротивляйся! Рано или поздно мы все равно будем вместе! Но лучше рано!

– Арсен, – тихо сказала она. После его слов в ее голове стало пусто-пусто, а сердце защемило. – Не знаю, зачем я тебе? Ты не понял? Я приехала сюда не ради скоротечного курортного романа! Я десять лет не была в отпуске. Мне нужно отдохнуть! И в этом моя проблема! Я думаю, что ты сможешь найти себе женщину для постели, ту же Сабрину, наконец. Оставь меня в покое, пожалуйста. Или ты действительно находишь себе женщину на неделю, она уезжает, а ты берешь приступом следующую?

– Нет предела женской глупости, – процедил он сквозь зубы и снял руку с плеча Марины. – Я в Абхазии почти два месяца. И все это время вполне обходился без женщины.

– Значит, наступил предел твоему терпению, – усмехнулась Марина. – А я не вовремя попалась тебе под ноги.

– Ладно, с тобой все ясно. – Арсен отвел взгляд. – На мою беду, мне попался под ноги «синий чулок».

– Я – не «синий чулок», – обиделась Марина. – У меня свои правила. Я не могу и не хочу с первым попавшимся мужчиной, через десять минут после знакомства…

– Но ты же пошла со мной на море, – вкрадчиво произнес Арсен. – Разве не понятно, что мужик просто так не попрется среди ночи сквозь тьму и заросли, если не надеется получить награду за свой подвиг?

– Как тебе не стыдно! – Марина покачала головой.

– Ты думала, что я интеллигентный человек? – ухмыльнулся Арсен. – По-твоему, интеллигентные мужики сплошь кастраты и импотенты? Они не спят с женщинами, делают детей пальцами…

Она развернулась и молча съездила его по щеке. Арсен отшатнулся и ударился головой о стену.

– Ого! Дуплет! – удивленно произнес он и потер щеку, на которой даже сквозь загар проступил след от пощечины. – Спасибо, что в твоих руках не оказалось лопаты или, того хуже, кайла, которым ты раскапываешь свои курганы. Думаю, Еснат через пару минут застал бы здесь холодеющий труп мерзкого Чудовища и Красавицу, которая раскроила ему череп совковой лопатой. Надеюсь, ты проронила бы пару слезинок над моим относительно молодым телом?

Марина взяла стопку с чачей и по-мужски решительно опрокинула ее в рот. Закусила куском лаваша и поднялась на ноги. Сверху вниз посмотрела на Арсена и презрительно усмехнулась.

– Ты мне противен, – сказала она. – Я в своей жизни встречала много разных мужиков. И ты – худший из них, хотя и самый смазливый. Но я не про твою честь, заруби это себе на носу!

– Смазливый? – Его глаза блеснули яростью. – Выбирай выражения. Признаюсь, у меня снесло крышу! И не потому, что ты такая уж раскрасавица, просто… – Он махнул рукой. – Остальное тебе неинтересно. – Арсен толчком распахнул оконные рамы и выглянул наружу.

Шум дождя стал сильнее. Крупные капли гулко стучали по листьям и звонче – по стеклу.

– Дождь, и по-прежнему темно, – сказал он недовольно и снова захлопнул раму. – Так что придется коротать здесь ночь. – Его лицо, словно бисер, покрывали бусинки воды. Он вытер их ладонью. И хлопнул рукой по сиденью стула, на котором Марина только что сидела.

– Присядь и прости меня! Я все понял и больше не стану к тебе приставать. Отдыхай, наслаждайся, а потом дуй к своим белым медведям! И моли бога, чтобы наши пути не пересеклись.

– Ты мне угрожаешь? – удивилась она, но вернулась на свое место. – Неужели женщины тебе никогда не отказывали? Ты записной донжуан?

– Я не записной донжуан и не гоняюсь за каждой юбкой, хотя был два раза женат. Первая жена умерла во время родов, когда нашему сыну было три года. Вторую жену убили в Грузии в девяносто втором, во время грузино-абхазской войны.

– Прости, я не знала. – Она виновато посмотрела на Арсена. – Но как такое могло случиться? Твоя жена тоже была журналистом?

– Нет, она была актрисой. Очень талантливой актрисой и очень красивой женщиной. Работала в Русском драматическом театре, пока ее не приметил один из местных крестных отцов. Он не давал ей проходу, и она вынуждена была уйти из театра. Она старалась меня не расстраивать и не рассказывала о своих проблемах, потому что я мотался по всему Кавказу и неделями не бывал дома. Узнай я об этом раньше, я бы этого козла задавил собственными руками.

– Разве ты не видел, что происходит вокруг? Не мог вывезти семью в Россию?

– Как ты себе это представляешь? – скривился Арсен. – Это мгновенно насторожило бы власти Грузии. Присутствие моей семьи в Тбилиси являлось гарантией моей лояльности режиму Шеварднадзе. Понимаешь, были некоторые обстоятельства…

– Попутно ты работал на российские спецслужбы?

– Голубушка, ты насмотрелась дешевых боевиков, хотя, что теперь скрывать, кое-какой информацией я владел. У меня были свои доверенные лица и в правительстве, и в Министерстве обороны, и в МИДе, и даже среди «гестаповцев» Кетовани… Я работал собкором «Известий» в Грузии, затем спецкором в Абхазии, но не смог нейтрально освещать события после того, как увидел, что творилось в Гаграх, в Сухуме. Когда жгли дома, грабили, убивали людей, которые встали на защиту своей Родины. В Грузии мне этого не

простили. Когда на улице зарезали мою жену, разгромили корпункт, я пригрозил им, что создам пятую колонну из русских и ударю с тыла… Не знаю, может, это или что-то другое подействовало, но я сумел беспрепятственно вывезти из Тбилиси маму и сынишку. Ему было всего двенадцать лет, но он рвался со мной на войну. Наташа была ему мачехой, но он любил ее, как родную мать. И очень хотел отомстить за ее смерть.

– Ты воевал на стороне абхазов? – тихо спросила Марина.

– Воевал. Так получилось. Виталий Айба, Игорь Шершелия – брат Анжелы… Все они тогда были пацанами, я чуть старше… Анжеле едва исполнилось семнадцать лет. Она только что закончила школу, и ее отправили погостить в Очамчиру, в город на юге Абхазии, недалеко от границы с Грузией. Когда началась война, ее отец, Виктор Шершелия, отремонтировал своими силами развалюху БРДМ[Боевая разведывательно-диверсионная машина.], которую бросили российские военные, когда уходили из Абхазии, и пошел на ней в бой против грузинских танков. Его подбили недалеко от села Бзыбь, на сухумской трассе, вытащили из горящей машины, еще живого облили бензином и подожгли. Уже после войны его наградили орденом Леона, а семье досталась лишь горсточка пепла.

Арсен судорожно сглотнул, но, видно, от комка в горле не избавился, потому что потянулся за стаканом вина и одним махом выпил его. Затем заговорил снова:

– Его похоронили на родовом кладбище рядом с домом, который Виктор так и не достроил. Кусочек обгоревшей ткани Мимоза – мама Анжелы – хранит в орденской коробке. Втайне от детей, потому что они до сих пор очень скучают по отцу. Анжела вообще была его любимицей.

– И как Анжела пережила гибель отца?

– Как пережила? – вздохнул Арсен. – Плохо. До сих пор плачет. А тогда почти три месяца не знала о судьбе своей семьи. Мы познакомились с ней в вертолете, на котором летели из Очамчиры в Гагры. Я до сих пор помню, как она выглядела. В каком-то старом-престаром плаще, в платке, который ей крест-накрест завязали на спине, на ногах толстые шерстяные носки и галоши. Худенькая, большеглазая… Летели ночью над морем, чтобы не сбили. Наш «Ми-8» был заполнен под завязку: женщины, совсем еще маленькие дети, потому что те, кто

постарше, воевали за свободу Абхазии наравне со взрослыми, а еще среди нас было несколько солдат с тяжелыми ранениями… – Он помахал перед собой рукой, словно отгонял страшные видения, и поморщился.

– Нет, не могу это вспоминать! Через пару дней точно такой же вертолет сбили грузины. Двадцать семь детей, несколько беременных женщин… Словом, восемь или десять мешков обгоревших трупов привезли в Сухум… – Арсен нервно перевел дыхание. – Анжела частенько орет будто резаная на своих детей, ругается матом, как боцман на пиратской шхуне, но я знаю, отчего это. Не может пройти бесследно ужасная смерть отца и бессонные дежурства в военном госпитале среди крови, страха, боли, ненависти, в изувеченной и обворованной стране, вместе с обнищавшим, но не потерявшим силы духа народом.

Арсен стиснул зубы, а на его висках выступили желваки. Он стукнул кулаком по столу и замычал, словно от невыносимой боли.

– Рядом с абхазами погибали наши русские парни, казаки, добровольцы со всей России. Я видел, как расправились с русским парнем, следователем Сухумской милиции, которого грузины поначалу не тронули и даже не выгнали с работы. Но он имел неосторожность сказать, когда абхазы освободили Гагры: «Наши взяли Гагру». Тут же расстреляли не только его, но и жену, тоже сотрудника милиции, и тещу, и детей, а трупы сожгли в доме. Кстати, дом, где живут сейчас Анжела и Виталий, тоже был сожжен в отместку за то, что все мужчины рода Айба воевали против Грузии: и брат Виталия – Важик, и их отец – Дмитрий Михайлович. Виталий и Анжела с помощью его родителей, конечно, построили его заново.

Арсен поднял на Марину страдальческий взгляд.

– Анжела – великая умница и труженица. Ей бы немного подучиться, она бы далеко пошла! Я шучу над ней: «Жека, лет через десять ты станешь первой женщиной —президентом Абхазии». Она отмахивается, но почему бы и нет? У нее прекрасная деловая хватка. Она прошла через такие беды, которые иным покажутся ночным кошмаром, поэтому сострадание и любовь к ближнему для нее не пустые слова.

Поднявшись на ноги, Арсен прошелся взад-вперед по комнате. Марина молча наблюдала за ним.

Он остановился напротив, сцепил руки за спиной и окинул ее задумчивым взглядом.

– Ты занимаешься наукой, я – журналист. Ученые, журналисты, деятели культуры, прочие хреновые идеологи – именно они породили это понятие – «национальный вопрос». Один из русских философов, он жил в свое время в Тифлисе, писал, что в семье его родителей считалось неприличным вести разговоры о религии, национальности и жалованье. Мы же вещаем об этом день и ночь и считаем себя великими знатоками во всех вопросах. Хотим жить в мире с больной властью и делаем все возможное, чтобы население не помнило о том, что все народы на Земле коренные и лишь на отдельных участках нашей планеты – исторически пришлые. В огне конфликтов мы забываем, что у всех нас одна общая Праматерь и один хромосомный набор, все равны по принципу рождения и смерти, все языки появились в результате расщепления и взаимного скрещивания, все культуры – смешанные. Мы делаем все, чтобы у простых граждан выветрилось из памяти, что каждая граница пахнет кровью, а отсутствие пограничных и таможенных шлагбаумов на пути товаров, идей и людей гораздо полезнее простому работяге, чем территориальная целостность за новым железным занавесом. Мы просто-напросто выбросили из своей головы понимание того, что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека…

– Успокойся, Арсен. – Марина поднялась, положила ему руки на плечи. – Присядь. Война давно закончилась. И, дай бог, никогда не повторится! Ты видел выступление нашего президента? Он сказал, что Россия защитит своих граждан в любом случае, а ведь в Абхазии их более девяноста процентов. А недавно в Сухум приезжал Лужков. Это ведь тоже не случайно. Его визит на всю Россию и, наверно, не только на нее транслировали. Он же прямо сказал: «Да здравствует независимая Абхазия!» Дома здесь будут строить, гостиницы, посольство в Москве…

– Я это видел. И очень надеюсь, что Россия не оставит Абхазию в беде, – скривился Арсен. – Я слышал, что развалины напротив дома Анжелы тоже покупает правительство Москвы. Хочется верить, что через год-другой этот пустырь станет красивейшим местом в Гагре. Только бы пляж не сделали платным, а остальное – просто замечательно! – Он помолчал секунду. – Знаешь, я взялся за эту книгу, не понимая, во что это выльется. Поднял свои старые записи, встретился с участниками войны, проехал по местам сражений… И прошлое снова вернулось. Первое время не мог заснуть. Закрывал глаза и, как

наяву, слышал грохот взрывов, крики раненых, рев бэтээров и танков, а еще отборный русский мат… В то время я понял, что люди делятся не по национальному принципу, а на тех, кто служит Богу, и тех, кто продал душу Сатане. К сожалению, последние очень ловко маскируются, и часто мы слишком доверчиво следуем за ними, безоглядно внимаем их клятвам и обещаниям. И не замечаем, как уподобляемся этому отродью с мордой козла.

Он нервно прикурил сигарету и тут же, смяв, затушил ее.

– Помнишь Спитакское землетрясение? Оно произошло через два часа после того, как ушел последний поезд с азербайджанцами. Кое-кто пытался представить трагедию в Спитаке как Божий гнев. На самом деле многие дома устояли бы, и жертв было бы во сто крат меньше, если бы строители, и армяне, и азербайджанцы в том числе, не пускали цемент «налево» при строительстве пятиэтажек. Но самое паскудное заключается в том, что гуманитарной помощью, которую направляли в Спитак, бойко торговали на стихийном рынке около магазина «Лейпциг» в Москве и в той же Гагре. Я писал об этом, но что толку? Есть Божий промысел, но есть и сатанинский.

– По-моему, ты очень болезненно реагируешь на все, что происходит на Кавказе. Ты вырос здесь?

– Нет, я коренной москвич, но меня направили в командировку в Спитак. Тогда я был молод, и моя задница удачно вписывалась в любую дыру, куда не хотели ехать мои старшие и продвинутые товарищи. Но именно в Спитаке я заболел Кавказом, затем узнал его мятежную душу в блокадном Цхинвали. В то время появилась такая специальность – корреспондент в «горячей точке». Она стала и моей специальностью. Мне били морду боевики в Тбилиси и Гори, тогда я научился давать сдачи. Это не хвастовство, потому что здесь нечем хвастаться, но меня брал на мушку правобережный снайпер в Приднестровье, и пуля пролетела в одном вершке от моей головы. В тот же день я пил водку с Александром Лебедем. Точно такой же снайпер попал в висок нашего общего друга. Я не раз проходил «Дорогой жизни» через перевалы Южной Осетии. И в Абхазию я тоже попал в первые дни войны, отсылал свои корреспонденции сначала с грузинской стороны, а потом – с абхазской, и там же вступил в отряд добровольцев. В нем было много чеченцев.

– Чеченцы воевали на стороне Абхазии? – удивилась Марина.

– О, еще как воевали! – улыбнулся Арсен. – Они пришли в Абхазию через перевалы, пешком, со своим оружием и в сбитых башмаках. Два дня шли без еды и питья. Пришли и сразу – в бой! Абхазы называли их «спасителями», а грузины их до смерти боялись. Стоило кому-то крикнуть: «Чеченцы модиан!» – «Чеченцы идут!», все, полный абзац – у грузин мокрые штаны. И на самом деле дрались чеченцы самоотверженно и отважно. Жаль, что после некоторые подались в боевики. Многих уже нет в живых, в том числе и Шамиля Басаева. Тогда, в девяносто третьем, в одном из своих интервью он сказал, что после войны хочет стать землеустроителем. Вот и стал. Скольких в землю устроил…

Арсен подошел к столу, плеснул уже не вина, а чачи в стакан и быстро, как воду, выпил. Вытер губы тыльной стороной ладони и опустился на небольшой диванчик. Уткнулся лицом в ладони и заговорил снова, глухо, с надрывом, словно его горло сдавили спазмы:

– В начале октября девяносто второго года я ходил вместе с добровольцами в морской десант на помощь восставшей Очамчире. Мы стояли по пояс в воде на барже. Море терзал шестибалльный шторм. Мы стояли плечом к плечу – парни разных национальностей. Наемники совести. Невольники чести. И это как раз и было истинным проявлением дружбы народов – искренней, чистой, верной в нашем сволочном Отечестве… Я понимаю обиду абхазов, когда они говорят: «В сорок втором наши отцы и деды грудью защищали Клухорский перевал от фашистов, а теперь там проходит граница. Стоят пограничники с собаками. Мы были нужны России, когда поливали своей кровью камни Кавказа. Теперь от нас отказались, как беспутная мать отказывается от своего ребенка…» Скажи, это честно в отношении народа, который искренне хочет быть вместе с Россией, когда многие предали и оболгали ее?

– Я тоже много об этом думала, – тихо сказала Марина. – Тот же Евросоюз, НАТО и Штаты отчаянно радовались, когда распался Советский Союз, когда разорвали на части Югославию. Посмел бы кто-то вякнуть о той же территориальной целостности СССР. Налетели бы ястребы – разорвали бы в клочья любого. Но здесь речь идет о Грузии, их союзнике, и о всяком праве народа на самоопределение прочно забыто. Получается, международное право как то дышло. Куда повернул, туда и вышло?

– Получается!

Арсен прижал пальцы к вискам и поднял на нее полные неподдельной горечи глаза.

– Я бывал во многих местах, но только в Абхазии один из первых тостов поднимают за мир во всем мире. Заметь, не за мир в Абхазии, а за мирвовсеммире ! Они серьезно озабочены судьбой всего человечества. И все без капли фальши, без игры на публику. Просто это их внутреннее состояние, состояние души…

И Арсен снова уткнулся лицом в ладони и замычал, почти застонал, как от невыносимой боли.

Марина растерянно смотрела на него, не зная, что предпринять. Сесть рядом с ним, чисто по-матерински прижать его голову к груди? Но он не мальчик, чтобы вытирать ему слезы, и все его обиды мгновенно улетучатся. Вдруг на ее глаза попалась гитара. Старенькая, обшарпанная. Она стояла в углу за диваном, поэтому Марина не сразу ее заметила. Она подошла, взяла ее в руки, внимательно осмотрела. Струны в порядке, она провела по ним пальцем.

Арсен отнял ладони от лица и взглянул на Марину.

– Что случилось? Ты играешь на гитаре?

– Немного. – Она подкрутила винты на грифе, взяла первые аккорды и запела. Честно сказать, она пела редко и только в кругу близких людей. Но сейчас это случилось почти неосознанно. Просто ей на глаза попалась гитара , а сердце подсказало именно эти слова…

Что мне твои пророчества,

Дней расписных кино?

Формула одиночества —

Это мое окно…

В нем то дожди,

То странные,

Синие издалека,

Словно по карте странами,

Движутся облака…

Арсен сидел, опустив голову, все время, пока она пела, и курил, сбрасывая пепел прямо на пол. Марине показалось, что он не слышит ее, полностью погрузившись в свои думы. Но только она закончила петь, поднял голову.

– Что это за песня?

– Слова одного из моих знакомых, Алеши Козловского. Странного и, по-моему, глубоко несчастного и духовно одинокого человека. Я бывала в его доме. Окно его комнаты выходит на темный угол между забором и сараем. Он живет в селе, работает сельским учителем… А что касается музыки… Ничего особенного. Три аккорда…

– Формулаодиночества – этомоеокно , – повторил Арсен и внимательно посмотрел на Марину. – У каждого своя формула одиночества, у меня – моя, у тебя – своя. И ничего с этим не поделаешь! Ты часто ощущаешь себя одинокой?

Она пожала плечами.

– Не знаю, как-то не задумывалась над этим. Я всегда среди людей. Коллеги, студенты, приятели дочери… Подруг у меня мало, вернее, всего одна, а вот друзей много. Но иногда бывает очень тоскливо. Я не люблю праздники, особенно семейные. Новый год, Восьмое марта… Дочь убегает к подругам, а я остаюсь одна на пару с телевизором. И хотя мне много раз на дню звонят знакомые, приглашают в гости или сами заваливаются на огонек, это не то…

Можно жить в одиночестве, если есть кого ждать, а если некого? Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Арсен и неожиданно мягко попросил: – Сядь рядом, пожалуйста.

Марина поставила гитару на место и опустилась рядом с ним на диван. Арсен взял ее за руку и слегка сжал пальцы.

– Я понимаю, что поступил сегодня низко, подло, грязно! Черт знает, почему у меня снесло башню. Я очень любил свою жену Наташу. Она умела ждать и терпеть. Я ненавижу пошлые красивости и редко говорил ей о своей любви, но она была для меня не просто женой, а музой. Самой настоящей, только из плоти и крови. Таким, как она, поэты посвящают стихи, воины – подвиги, я же писал ей письма из «горячих точек». И рассказывал в них о том, о чем никогда бы не написал в своих корреспонденциях. Ей всадили нож в горло фашисты из «черной полиции» Кетовани только за то, что в одном из репортажей я рассказал, как грузинские боевики грабили и жгли абхазские села, уничтожали культурные и исторические памятники, вырубали леса и истребляли животных в заповедниках. Много написал, за то и поплатился гибелью жены. – Он снова налил себе чачи и грязно выругался. Опрокинул в рот стопку и исподлобья посмотрел на Марину. – Прости! Не сдержался!

– Я не в обиде, – сказала Марина. – Теперь я многое понимаю. Это все война! Ты вернулся в нее, и твои нервы не выдержали…

– Нет, здесь другое! – Арсен покачал головой. – У меня фотографическая память, и если я говорю, что где-то видел тебя, то, будь уверена, точно видел! Только никак не могу вспомнить, где?

– Это дежавю, – тихо сказала она. – Когда нервы на пределе…

– Я – не сумасшедший, – резко сказал он. – Ты не похожа ни на одну из моих знакомых женщин. Я всегда любил блондинок, а ты – темненькая, смуглая… Или специально загорала в солярии перед отпуском?

Марина улыбнулась:

– Ты забыл, чем я занимаюсь? Загар у меня даже зимой не сходит. Летом у нас дикая жара. Частенько за сорок градусов. К концу лета я обычно смахиваю на головешку.

– Ну да, – сказал он и поднялся на ноги. – Пойду посмотрю, куда подевался Еснат. – И улыбнулся. – Очень деликатный старикан. Видно, решил, что нам хочется остаться вдвоем.

Арсен быстро вышел из кухни и через минуту вернулся.

– Спит, старый мошенник, в гамаке на веранде в обнимку с Барри. И дождь им нипочем! Я так думаю, он еще до нашего появления хорошо принял на грудь. – С задумчивым видом он огляделся по сторонам. – Пятый час. Скоро рассвет, но дождь льет как из ведра. Ничего страшного, если мы останемся здесь до утра. Никто же нас не гонит на работу, правда?

– Правда, – кивнула Марина, – но ведь та же Сабрина подумает неизвестно что…

– Тебя так волнует ее мнение? – рассмеялся Арсен. – Кстати, ее зовут Светлана… Я подглядел в паспорте, который она дала Анжеле для регистрации. Сабрина – это выпендреж!

– Ты и в мой паспорт заглянул?

– Очень хотелось заглянуть, но только Анжела меня застукала и отняла твою паспортину.

– Слушай, а чем тебе плоха Сабрина? В твоем вкусе, блондинка, и сюда приехала на полмесяца…

– Есть одно маленькое «но», о котором я забыл тебе сказать. Да, я люблю блондинок, но натуральных и, главное, с мозгами. – Он прищурился: – Знаешь, почему блондинка ест йогурт прямо в магазине?

– Йогурт? – удивилась Марина. – Не знаю.

– Да потому, что на упаковке написано: «Открыть здесь», – засмеялся Арсен. – Так вот Сабрина из таких блондинок . – Последнее слово он выделил голосом, а затем поднялся с дивана и сверху вниз посмотрел на Марину. – Помоги мне убрать со стола. А то я подозреваю, что Барри в отличие от Есната не спит, а притворяется. Он – большой любитель погромов на кухне. Если мы не помоем тарелки, он вылижет их до блеска.

– Знаешь, я тоже об этом подумала. – Марина поднялась с дивана и направилась к раковине. – Как я понимаю, с горячей водой здесь проблемы?

– Что ж, нагреем воду в чайнике. – Арсен улыбнулся. – Давай засучивай рукава, подруга по несчастью…

– Почему по несчастью? – поразилась она. – Если несчастье – этот дождь, то я очень рада, что он случился. Иначе я никогда ничего о тебе не узнала бы.

– А тебе это интересно? – Он приблизился к ней и, положив руки на плечи, заглянул в глаза. – Честно?

– Честно, – ответила она, не отводя взгляда. – Я кое-что поняла о тебе. – И осторожно коснулась пальцами его щеки. – Не горюй, все у тебя получится.

– Не трогай меня. – Голос его сорвался. – Ты ж не хочешь, чтобы я тебя снова поцеловал?

«Придурок! – хотелось сказать ей. – Какой же мужик об этом спрашивает?» Но она лишь молча покачала головой и отняла пальцы от его лица.

Глаза Арсена приобрели больное выражение, он резко отвернулся.

– Надо выпить, – сказал он с такой интонацией, что ей показалось: он вот-вот расплачется.

– Надо, – эхом отозвалась она. И выпила чачу следом за ним, даже не почувствовав ее запаха. Но эта стопка, похоже, оказалась последней каплей спиртного, которое смог выдержать ее организм.

В глазах у нее потемнело, голова закружилась… Последнее, что она услышала, был звон разбившегося стекла и следом голос Арсена: «Ну, полный звездец, Барри!» – и целиком отключилась…

Марина поднялась с кровати. Постель рядом с ней оказалась нетронутой, значит, Арсен спал в другом месте. И то слава богу, хотя, несомненно, именно он раздел ее перед тем, как положить в кровать. Она поморщилась, представив, как это происходило, хотя ничего новенького для себя он, разумеется, не увидел, и посмотрела на часы. Восьмой час! Ничего себе! Она принялась лихорадочно одеваться. Затем быстро заправила постель и огляделась по сторонам. Ее пляжной сумки в спальне не наблюдалось, значит, осталась на кухне.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Оказывается, спальня находилась на втором этаже. Дождь прекратился, и хотя тучи по-прежнему затягивали все вокруг, сквозь них уже проглядывало ослепительно голубое небо. Под окном в густой траве паслись куры и гуси. Огромный гусак вытянул шею и злобно зашипел на Барри, который деловито пробежал в глубину сада.

Виноградная лоза обвила инжировые деревья и огромную шелковицу, молодые плети тихо шевелились под порывами ветерка. Листья мандариновых деревьев отливали глянцем под робкими солнечными лучами, цветы расправляли смятые дождем лепестки, одуряюще пахло мокрой травой и землей…

Марина потянулась. Какое счастье просыпаться вот так при открытом окне, в которое потоком врывается свежий воздух, под крики петухов и пение птиц! Они вовсю голосили в дебрях сада, за которым, похоже, давно как следует не ухаживали…

Но время поджимало, и Марина с сожалением отошла от окна. Она осторожно открыла дверь и выглянула на небольшую площадку, которая заканчивалась крутой лестницей. Проворно спустившись вниз, она миновала небольшой коридор. Дверь в кухню была открыта. Большая полосатая кошка лакала молоко из блюдца. Больше никого в кухне не было. Ее пляжная сумка стояла на стуле возле окна. Марина подхватила ее и бросила быстрый взгляд по сторонам. Следы вчерашнего пиршества исчезли. Чистая посуда составлена в сушилку, на столе – ничего, кроме красивой фарфоровой вазы с желтоватого цвета розами. Их, видно, срезали совсем недавно: на лепестках еще не высохли капельки росы.

На подоконнике открытого настежь окна она заметила пачку «Парламента» и зажигалку. Значит, Арсен еще здесь!

Она выскочила из дома, стремительно миновала двор и, только захлопнув за собой калитку, перевела дыхание. Теперь требовалось сориентироваться на местности. Марина огляделась по сторонам и с облегчением увидела знакомые остовы гостиниц. Они были совсем рядом. А за ее спиной, за стеной глухих зарослей глухо рокотало море.

И она, бросив последний взгляд на забор, за которым скрывался дом Есната, отправилась на этот звук. Марина прошла метров двадцать и увидела узкую тропинку, кажется, именно она вывела их ночью к дому Есната. Еще десяток шагов, и Марина вышла к невысокому обрыву. Вниз, к пляжу, вели ступени, выложенные из плоских каменных глыб, по всему видно, в незапамятные времена. Кое-где ступени обвалились, камни потрескались, а стыки между ними заросли травой.

Марина с наслаждением вдохнула воздух, насыщенный крепкими запахами моря. Насколько хватало глаз вдоль берега сидели и стояли рыбаки с длинными удилищами. Далеко за буйками виднелось несколько лодок, а на горизонте – два следовавших друг за другом сухогруза. Огромные чайки с отчаянными криками носились над морем, порой стремглав бросались в воду и выныривали, иногда впустую, но чаще со сверкавшей в клювах мелкой рыбешкой. Судя по всему, они были удачливее рыбаков, которые почти не взмахивали удилищами и лишь уныло созерцали набегавшие на берег серые валы.

Волны рыбаков не пугали. Несколько человек оккупировали видневшиеся над водой волнорезы, а двое заняли тот самый, на котором она и Арсен…

И надо же, стоило Марине подумать об Арсене, как он объявился собственной персоной. Правда, на приличном от нее расстоянии. Он вылез из воды на волнорез, который то и дело захлестывали волны. Мокрые с ног до головы рыбаки подняли руки, приветствуя его. Марина недовольно хмыкнула. Только полный идиот мог купаться в море, которое не пришло в себя после шторма! Но Арсен, не подозревая, что за ним наблюдают, уже бегом миновал волнорез и выскочил на берег.

Марина благоразумно отступила в тень зарослей. Что-то мешало ей уйти. С каким-то болезненным напряжением она наблюдала, как Арсен вытирается полотенцем. Но тут он, бросив быстрый взгляд по сторонам, стянул с себя купальные плавки… Этого она, безусловно, не выдержала. Развернувшись, Марина стремглав миновала заросли и выскочила на дорогу, на которой им встретилась влюбленная парочка. Тучи окончательно рассеялись, и выглянувшее из-за гор солнце припекало уже не на шутку. Многочисленные отдыхающие в одиночку, парами и группами в несколько человек потянулись к морю. Они были оживленны и веселы. Женщины с пестрыми пляжными сумками завернулись в яркие парео, мужчины разделись до пояса. Стайки детей с надувными матрацами, жилетами и разноцветными кругами сопровождали моложавые бабушки в пестрых халатах и благообразные дедушки в легкомысленных шортах.

Возможно, среди них были и те, кто отдыхал в доме Анжелы. Марина шла быстрым шагом, опустив глаза. Голова у нее слегка кружилась. То ли оттого, что продолжала действовать чача, то ли потому, что нынешней ночью она пережила не лучшие минуты в своей жизни, а может, просто-напросто не выспалась. Ей хотелось быстрее добраться до дома, принять душ, переодеться и хотя бы часок поспать.

В душе Марины нарастало и свивалось в тугой комок глухое раздражение. Сейчас она почти ненавидела Арсена. Это он заставил ее ощутить себя чуть ли не шлюхой, которая провела ночь неизвестно где и неизвестно с кем. И это в первый же день отпуска, который она практически выстрадала, о котором чертовски долго мечтала! На душе у нее было так гадко, так мерзко, словно ее с головой окунули в помои. Теперь, при свете дня, даже надрывные признания Арсена, которые ночью чуть было не выжали из нее слезу, вызывали у нее негодование. Почему его личные проблемы, искалеченная войной и семейными трагедиями психика должны стать причиной ее переживаний? Почему она должна проникнуться сочувствием к человеку, которому наплевать на ее моральные устои, на ее душу, в конце концов? Почему он заставил ее почувствовать себя виноватой, хотя она не совершила ничего предосудительного, разве что позволила себе поверить в его благие намерения?

Вдоль дороги рядком стояли щиты с яркими фотографиями, а неподалеку – с той и другой стороны – несколько открытых «уазиков», возле которых толпились их владельцы. Судя по надписям на щитах, здесь предлагали экскурсии в любой уголок Абхазии.

– Девушка, – подал голос один из водителей, – махнем на экскурсию, а?

– Уже отмахала, – недружелюбно ответила Марина, хотя этот добродушный на вид пожилой джигит ровным счетом ничего плохого ей не сделал.

Она миновала знакомое кафе «Бамбуковый дворик», и ноги сами свернули на тропу, которая вилась среди высоких кипарисов, мимозы и зарослей акации. Впереди маячили мрачные силуэты недостроенных гостиниц. Отдыхающие попадались все чаще. Их разбавляли местные жители: женщины постарше в темных платьях с тяжелыми пакетами в руках спешили домой с рынка, девушки в ярких летних нарядах направлялись в город, видно, на работу. Никому не было никакого дела до нее, только один из попавшихся навстречу парней, судя по бледной коже – из новичков, весело справился:

– Девушка, как вода на море?

– Купаются, – ответила она, не удостоив его взглядом, и прошла мимо.

– Ай-я-яй! – донеслось ей вслед. – Такая красивая девушка и такая сердитая!

Марина сделала вид, что не расслышала, и ускорила шаг. Наконец тропа вывела ее к асфальтированной трассе. Она перешла дорогу и направилась к уже знакомому и, к ее радости, безлюдному переулку. Марина облегченно перевела дыхание. Слава богу, она опередила Арсена! Еще метров двадцать-тридцать, и она дома! И тут она увидела Анжелу, которая выходила из калитки соседнего особняка. Хозяйка окинула ее любопытным и, как показалось Марине, насмешливым взглядом.

– Что, не спится с утра? – улыбнулась она, а Марина внутренне сжалась.

– Не спится, – сказала она, но ответная улыбка получилась откровенно жалкой и виноватой.

– Пошли кофе пить, – как ни в чем не бывало предложила Анжела и, повернув голову, весело крикнула в глубину двора: – Инга, Элана, стервы такие! Вы идете кофе пить? Последний раз приглашаю!

Глава 6

Они пили кофе и весело болтали. Напряжение спало, и Марина уже не чувствовала себя виноватой. Пока Анжела варила кофе, она успела принять душ и переодеться. Сабрина все еще спала и при ее появлении в комнате подняла голову и уставилась на Марину сонными, в потеках туши глазами.

– Где ты шлялась? – спросила она строгим голосом представителя прокуратуры в суде. – С Арсеном сношались? На пляже? Спинку не отлежала?

– Заткни свой рот! – огрызнулась Марина. – Смердит!

Прихватив чистое белье, халатик и полотенце, она направилась к двери. Но Сабрина, проявив чудеса резвости, в чем мама родила соскочила с кровати и загородила ей выход из комнаты.

– Ты – чистюля екнутая! – Сабрина схватила Марину за плечо. – Я тебе сказала, он – мой! И не лезь к нему, а то живо морду испорчу! За мной не заржавеет! – И нацелилась острыми коготками ей в лицо. – Сука! Глаза выцарапаю!

Марина усмехнулась и движением руки отодвинула ее со своего пути.

– Успокойся, Арсен мне не нужен. Добивайся его, если получится. Но как же тот парень, которому ты парила мозги за ужином?

– У Витьки жена приезжает через три дня. С дочкой. На кой ляд он мне сдался? И зарабатывает он на своем скутере чистые гроши… Хотя парнишка он ничего, – Сабрина провела по губам языком, – ласковый! Но разовый, как презерватив! – и расхохоталась.

Марина смерила ее негодующим взглядом, что вызвало новый приступ веселья у Сабрины. Под этот визгливый, с металлическим оттенком смех Марина покинула комнату и направилась в душ…

– Иди сюда, кофе остывает! – выглянув в кухонное окно, позвала ее Анжела, когда Марина вышла из душа.

В кухне царило веселье. Инга, черноволосая голубоглазая соседка Анжелы, рассказывала, как ее постояльцы ели вчера мамалыгу с копченым сыром и с лобио.

– Сергей, этот художник с косичкой, кричит: «Инга! Это же вулкан! Извержение Везувия в моей глотке!» И как навернет стакан чачи! Принял ее за воду! Схватился за горло, глаза выпучил. «Мама моя! Чем ты меня напоила? Смерти моей хочешь?» Я ему подаю тарелку мацони, а он отбивается. «Тоже с аджикой?» – кричит. Жена его плакала от смеха…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mel-nikova_irina/formula-odinochestva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити